

Александр МУСИН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МИРЫ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПОЛЬША ПЯСТОВ И РУСЬ РЮРИКОВИЧЕЙ¹

Сравнительные исследования обществ Центрально-Восточной Европы в средневековье: какими могут быть их цели и методы? Прежде всего, речь идет о полициях, которые сложились под властью Рюриковичей и Пястов в X–XIII вв. Эти объединения принято именовать раннесредневековой Польшей и Киевской Русью. В обоих случаях названия условны. В основе понятий *Polonia* и *Rhōsia* лежит взгляд со стороны – с точки зрения латинской и греческой культуры. Этот “сторонний взгляд” во многом сформировал историографическую традицию. Принято считается, что Польша изначально принадлежит латинской цивилизации. Это подчеркивается алфавитом, конфессиональной принадлежностью к Католической церкви и господством римского права в форме средневекового права немецкого². Соответственно, Восточная Европа с кириллическим алфавитом, православием и юридической дихотомией³ принадлежит к иной цивилизации, восточно-христианской, или даже к “византийскому содружеству наций”⁴. Несмотря на соседство двух исторических и культурных явлений, стоит ли сравнивать столь различные феномены?

Восточная Европа, получившая в латинской письменности имя *Ruthenia/Ruscia/Rucia* – по имени доминировавшей здесь в X в. социально-политической группы “русь” с центром в Среднем Поднепровье – уже в средневековье могла рассматриваться как *alter orbis*. Известное выражение епископа Матфея Краковского в послании Бернару из Клерво⁵ могло означать не другую часть христианского мира, а совершенно иной мир⁶.

Такое категорическое противопоставление двух Европ закрепились в культуре позднего средневековья и идеологии эпохи Просвещения⁷. В XIX в. оно

¹ Статья написана в рамках проекта Польского института передовых исследований (Варшава, Польша) “Through the other eye of Europe: Poland of Piast and Rus’ of Rurikids in East European comparative perspective, 10th – 13th century”, 2018/2019 гг.

² The German lands and Eastern Europe: essays on the history of their social, cultural and political relations. R. Bartlett / K. Schönwälder (dir.). New York, 1999; Czaja R., Dygo M., Gawlas S., Myśliwski G., Ożóg K. Ziemia polskie wobec Zachodu. Studia nad rozwojem średniowiecznej Europy / S. Gawlas (red.). Warszawa, 2006.

³ Живов В. М. История русского права как лингвосомиотическая проблема *Ego же*. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. Москва, 2002. С. 187–290.

⁴ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453*. New York, 1971.

⁵ *Codex diplomaticus Silesiae / C. Maleczyński (ed.)*. Vol. I: 971–1204. Wrocław, 1956. P. 43–46.

⁶ *Dygo M. A Letter from Matthew, a Bishop of Cracow, to Bernard of Clairvaux “on the Conversion of Russians” (1145 ?) Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence / M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin, P. Špehar, M. Hardt, M. P. Kruk, A. Sulikowska-Gąska (eds.)*. U źródeł Europy Środkowo-Wschodniej/Frühzeit Ostmitteleuropas. Vol. 1(1). Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa, 2012. Vol. 1. P. 203–213.

⁷ *Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, 1994. P. 4.

было усилено политической ситуацией, когда Центрально-Восточная Европа оказалась лишена собственной государственности. В XX в. российский диктат повлиял на восприятие прошлого и “заморозил” настоящее, породив у местных обществ, согласно выражению Тони Джадта, “зиму инерции и резигнации” как социальной реакции, избегающей фактов и впечатлений, нарушающих психологическое равновесие⁸.

Результатом стала неизбежная “вестернизация” различных сторон интеллектуальной и культурной жизни⁹, сопровождающаяся укреплением “экзистенциальных страхов” перед угрозой возрождения империй¹⁰. Это обусловило стремление избежать любых сравнений собственной истории с прошлым Восточной Европы. В этих условиях дискуссия о географических границах и культурно-историческом содержании Центрально-Восточной Европы, как ее видели Оскар Халецкий¹¹ и Ежи Клочовский, писавший о *Młodszej Europie*¹², не только не привела к консенсусу, но сама историчность концепции была поставлена под сомнение как следствие виктимизации¹³. Оценка “цветовой гаммы” истории этих земель колебалась от неосвязаемо-серого (zone grise) в трудах Александра Гейштора¹⁴ до кроваво-красного и земельно-черного (bloodlands/black earth) в воображении Тимоти Снайдера¹⁵.

Эти историографические тенденции лишали прошлое Центрально-Восточной Европы необходимой стереоскопии, связанной с восточной

⁸ Judt T. *Postwar. A History of Europe since 1945*. London 2005. P. 195.

⁹ Kundera M. Un Occident kidnappé, ou la tragédie de l'Europe centrale *Le Débat*. № 27. 1983/5. P. 3–23.

¹⁰ Bibó I. *Misère des petits États d'Europe de l'Est*. Paris, 1986; Longworth P. *The Making of Eastern Europe: From Prehistory to Postcommunism*. London 1992.

¹¹ Halecki O. *The Limits and divisions of European history*, London, 1950; *Ejusdem*. *Borderlands of Western Civilization. A history of East Central Europe*. New York, 1952.

¹² Klóczowski J. *Młodsza Europa. Europa Środkowo-Wschodnia w kręgu cywilizacji chrześcijańskiej średniowiecza*. Warszawa 1998.

¹³ Szűcs J. *Les trois Europes*. Paris, 1985; Klóczowski J. *Le rôle de la Pologne dans l'Europe du centre-est: Historique et perspectives* *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. n°61–62. 2001. P. 9–15; Curta F. *Introduction East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages* / Curta F. (ed.). *Ann Arbor*, 2005. P. 1–40; Moczułski L. *Narodziny Międzymorza: ukształtowanie ojczyzn, powstanie państw oraz układy geopolityczne wschodniej części Europy w późnej starożytności i we wczesnym średniowieczu*. Warszawa, 2007; *East-Central Europe in European History. Themes&Debates* / Klóczowski J., Łaskiewicz H. (ed.). Lublin. 2009; Mühle E. *Uwagi o ograniczonej przydatności pojęcia “Europa Środkowo-Wschodnia” (“Ostmitteleuropa”) w badaniach mediewi-*

stycznych Kwartalnik Historyczny. R. 120(4). 2013. P. 73–78; *Cevins, de, M.-M.* *L'Europe centrale au Moyen Âge*. Rennes, 2013; *Berend N., Urbańczyk P., Wiszewski P.* *Central Europe in the High Middle Ages: Bohemia, Hungary and Poland*. Cambridge, 2014; *Medieval East Central Europe in a Comparative Perspective: From Frontier Zones to Lands in Focus* / G. Jaritz, K. Szende (eds.). London, 2016; *Mühle E.* *Medieval East Central Europe in a Comparative Perspective: From Frontier Zones to Lands in Focus* / Jaritz Gerhard, Szende Katalin *The Hungarian Historical Review*. Vol. 6, No. 1: *Medieval Economic History*. 2017. P. 212–214; *Góreck P.* *Rew.: Medieval East Central Europe in a Comparative Perspective: From Frontier Zones to Lands in Focus* / G. Jaritz, K. Szende (eds.). London, 2016. XIV, 265 pp. *Slavic Review*. Vol. 77(1). 2018. P. 220–221; *Korolov G.* “Dwie Europy Środkowe” Oskara Haleckiego w “cieniu imperializmów” *Kwartalnik Historyczny*. R. 124 (4). 2017. S. 677–698.

¹⁴ *Gieysztor A.* *L'Europe chrétienne autour de l'an mille et ses nouveaux adherents* *Early Christianity in Central and East Europe* / P. Urbańczyk (ed.). Warsaw, 1997. P. 14.

¹⁵ *Snyder T.* *Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin*. New York, 2010; *Idem*. *Black Earth. The Holocaust as History and Warning*. London, 2015.

¹⁶ *Der Briefwechsel des E. S. Piccolomini* / R. Wolkan (ed.). Vienna, 1918. Vol. 2. P. 212.

сравнительной перспективой. Уже в христианской мысли позднего средневековья концепция “другого мира” могла иметь инклюзивное значение как возможность “другого взгляда”. После падения Константинополя Эней Сильвио Пикколомини (Aeneas Silvius Piccolomini; 1405–1464), будущий папа Римский Пий II (1458–1464), написал, что ныне Европа “ex duobus oculis alterum amisisti. ...ex duobus Christianitatis luminibus alterum iam videmus erutum, orientalis imperii eversam sedem, Graecam omnem gloriam extinctam semimus”¹⁶. Эта антропологическая модель Византии известна польской историографии¹⁷. Однако как часто Польша оказывалась в поле зрения византийцев?

За три столетия Польша “попадались на глаза” ромеям лишь трижды. Так, Константин Багрянородный около 950 г. упоминает лендзян¹⁸, если под ними действительно стоит понимать раннесредневековое население Польши¹⁹, а не представителей культуры Луки-Райковецкой в целом, населявших земли от Днепра до Вислы²⁰, или же неясное эхо латинской (*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*)²¹ или солунской этногеографии²². Позднее Иоанн Киннам в связи с крестовым походом 1147 г. знает лехов как народ скифского происхождения, сопредельный западным гуннам (...ἀτερος δὲ τῶν Λέχων εἰ Σκυθικὸν μὲν εἶσι γένος Οὐννος δὲ προσοικῶσι τοὺς ἐσπερίους / *Lechi Scythicae gens, quorum Hunnorum gentis occidentalibus contermina est*), а один из текстов Cod. Marc. Gr. 524 (ca. 1300 г.), составленный, очевидно, в XII в., упоминает “предводителя лехов” в составе антикомниновской коалиции стран Центрально-Восточной Европы²³.

¹⁷ Dąbrowska M. *Drugie oko Europy. Bizancjum w średniowieczu*. Wrocław, 2015.

¹⁸ Constantine Porphyrogenitus *De Administrando Imperio* / G. Moravcsik, R. J. H. Jenkins (eds.). Washington, D.C., 1985. P. 56–57, 168, 169.

¹⁹ См.: Parczewski M. *Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach*. Kraków, 1991.

²⁰ Отождествление лендзян с днепровскими полянами и их “переселение” в восточные славинии представляется искусственным: Конча С. В. *Lenzaninói* Константина Багрянородного у контексті проблеми ляхів-лендзян *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Українознавство*, Т. 11. 2007. С. 4–7; Щавелев А. С. Еще раз об идентификации и локализации славянского “племени” Λενζανῆων / Λενζενίνοι / *lędjane *Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: Призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Международной научной конференции*. Москва, 2014. С. 424–427.

²¹ Banaszekiewicz J. “Lestek” (Lesir) i “Lechici” (Lesar) w średniowiecznej tradycji skandynawskiej *Kwartalnik historyczny*. R 108(2). 2001. S. 3–23; “Lendizi habent civitates XCVII”. См.: Kucharski E. *Zapiska karolińska zwana niewłaściwie “Geografem bawarskim” Sprawozdania Tow. Nauk. we Lwowie*. T. 5. Lwów, 1925. S. 81–86;

Łowmiański H. *O pochodzeniu Geografa bawarskiego Roczniki Historyczne*. R. 20. 1955. S. 9–58; *Ejusedem*. *O pochodzeniu Geografa bawarskiego Studia nad dziejami Słowiańszczyzny, Polski i Rusi w wiekach średnich*. Poznań 1986. S. 104–150; *Ejusedem*. *O identyfikacji nazw Geografa bawarskiego Studia Źródłoznawcze*. T. 3. 1958. S. 1–22; Nalepa J. *O nowszym ujęciu problematyki plemion słowiańskich u “Geografa Bawarskiego”*. *Uwagi krytyczne Slavica Occidentalis*. T. 60. 2003. S. 9–63; Betti M. *La Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*. Lo spazio oltre il “limes” nel IX secol *Mélanges de l’École française de Rome – Moyen Âge* [En ligne]. T. 125 : 1. 2013: <http://journals.openedition.org/mefrm/1078> ; DOI : 10.4000/mefrm.1078 (доступ 08.11.2019).

²² О “соседах” лендзян другубитах (Δρουγούβιται; Drugubitae, Thessalonicensibus tributarii) в Македонии см.: *Ioannes Cameniata*. *De excidio Thessalonicensi Theophanes continuatus: Ioannes Cameniata, Symeon magister, Georgius Monachus* / I. Bekker (ed.) *Corpus scriptorum historiae byzantinae*. Vol. 22. Bonnae, 1838. P. 485–600, 496 (cap. 6). См. также: *Иоанн Камениата*. *Взятие Фессалоники Две византийские хроники X века: Псалмафийская хроника, Взятие Фессалоники* / А. П. Каждан, С. В. Полякова, И. В. Феленковская, Р. А. Наследова (изд.). Москва, 1959. С. 163.

²³ *Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum* / A. Meineke

Для чего, в таком случае, необходим взгляд “другим оком” на становление Польши Пястов? Для того, чтобы выявить в системе польского “латинства” редкие и иногда дискуссионные элементы византийской культуры?²⁴ Очевидно, у “другого ока” должны быть иные “точки зрения”.

Известно, что каролингская модель культуры и власти способствовала адаптации образцов византийской цивилизации в Европе, которые связывали варварские королевства с наследием Античности, обеспечивая цивилизационный континуитет²⁵. Эти связи, реальные или вымышленные, были важны как для Западной, так и Восточно-Центральной Европы, где соответственно происходили “романизация” и “ромеизация”²⁶. Отметим, что обычно под романизацией понимается римское влияние на территории завоеванных Римом провинций и трансформация местных культур в связи с адаптацией римской цивилизации²⁷, однако уровень и масштабы освоения римского наследства в раннем средневековье²⁸ не оставляют сомнений в возможности употребления

(ed.) *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Vol. Bonnae, 1836. P. 84 (II.18 C); *Salamon M.* Polen und Byzanz. Die Perspektiven des 11. und des 14. Jahrhunderts *East Central Europe at the Turn of the 1st and 2nd Millenia* / V. Múcska (ed.). (Acta Historica Poseniensia. Vol. 2). Bratislava, 2002. S. 89–102; *Бибииков М. В.* Византийские исторические сочинения: византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. Тексты, перевод, комментарий. Москва, 1998. С. 50, 60, 72; *Smoliński M.* Jeszcze raz o polskim krzyżowcu z 1147 roku *Studia z Dziejów Średniowiecza*. Nr 18. 2014. S. 227–259; *Grala H.* Z Carogrodem w tle. Czy istniał bizantyński kontekst stosunków polsko-ruskich w XII–XIV wv.? *Ruś a Polska (X–XIV w.)*. IX Międzynarodowa konferencja naukowa z serii “*Colloquia Russica*”, 5–8 grudnia 2018 roku, *Przemysł, Polska. Abstracts of papers* / V. Nagirnyy (ed.). Kraków, Przemysł, 2018. D. 1.

²⁴ *Грабский А. Ф.* По поводу польско-византийских отношений в начале XI в. *Византийский временник*. Т. 14. 1958. С. 175–184; *Wasilewski T.* Bizantynska symbolika zjazdu gnieźnieńskiego i jej prawno-polityczna wymowa *Przegląd historyczny*. Vol. 57. 1966. P. 1–14; *Ejusdem.* Couronnement de l’an 1000 à Gniezno et son modèle byzantin *L’Europe aux IXe–XIe siècles. Aux origines des Etats nationaux*. Actes du Colloque internationale tenu à Varsovie et Poznan du 7 au 13 septembre, 1965 / T. Manteuffel, A. Gieysztor (eds.). Warszawa 1968. P. 461–472; *Dąbrowska M.* The Hidden Secrets: Late Byzantium in the Western and Polish Context. Łódź, 2017; *Salamon M.* Polen und Byzanz – Wege der Begegnung *Byzanz und Ostmitteleuropa 950–1453. Beiträge zu einer Table Ronde* Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. T. 3 / G. Prinzing, M. Salamon (eds.). Wiesbaden, 1999. S. 151–164; *Ejusdem.* Obec-

ność Nowego Rzymu w Europie Środkowo-wschodniej *Lux Romana w Europie Środkowej ze szczególnym uwzględnieniem Śląska* / A. Barciak (red.). Zabrze; Katowice, 2001. S. 295–319.

²⁵ *Leyser K.* The Tenth Century in Byzantine-Western Relationships *Relations Between East and West in the Middle Ages* / D. Baker (dir.). Edinburgh, 1973. P. 45; *McCormick M.* Byzantium’s Role in the Formation of Early Medieval Civilization: Approaches and Problems. Illinois, 1987. P. 207–220; *Sot M.* La première Renaissance carolingienne: échanges d’hommes, d’ouvrages et de savoirs *Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l’enseignement supérieur public, 32 congrès, Les échanges culturels au Moyen Âge*. Dunkerque, 2001. P. 23–40; *La Grèce antique sous le regard du Moyen Âge occidental* / M. Zink (dir.). Paris, 2005.

²⁶ *Musin A., Wołoszyn M.* Newly-Converted Europe – Digging Rome *Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence* / M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin, P. Špehar, M. Hardt, M. P. Kruk, A. Sulikowska-Gąska (eds.). U źródeł Europy Środkowo-wschodniej/Frühzeit Ostmitteleuropas. Vol. 1(1). Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa, 2013. Vol. 2. P. 683–711.

²⁷ *Le Roux P.* La romanisation en question *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. Vol. 59: 2. 2004. P. 287–311.

²⁸ *Morsel J.* L’aristocratie médiévale. La domination sociale en Occident (V^e–XVe siècle). Paris, 2004; *L’Antiquité dans l’art roman. Persistance et résurgence de l’Antiquité à l’époque romane*. Clermont-Ferrand, 2005 (*Revue d’Auvergne*. Vol. 119); *Actualité de l’art antique dans l’art roman, Actes des XXXIXe Journées romanes de Cuxa, 6–13 juillet 2007* (Les Cahiers de Saint-Michel de Cuxa. Vol. 39). Codalet, 2008; *L’Antiquité entre Moyen Âge et Renaissance* / Ch. Blondeau,

этого термина для этой эпохи. В связи историческим существованием двух путей освоения римского наследия возникает важная проблема: каким образом были заимствованы античные элементы культуры и какую трансформацию они претерпели в дальнейшем?

Для решения этой проблемы “другое око” оказывается незаменимым. Особенности Центрально-Восточной Европы были обусловлены не ее “периферийным положением” в Европе, а самостоятельным культурно-историческим развитием, поскольку Русь и Польша в границах между Одером, Волховом, Волгой и Доном занимали пограничное положение между латинской, византийской и восточной цивилизациями. В этом смысле *Polonia* и *Rhòsia* являлись для них “большой границей”²⁹ и служили *middle ground* – зоной обмена и посредничества³⁰.

Диахронистический подход восточной перспективы или “другого ока” предполагает, что только в сопоставлении с *altero lumine orbi* можно отчетливо высветить особенности изучаемого мира. Это предусматривает описание и анализ культурного соревнования элементов, тенденций, явлений и процессов, связанных с влиянием латинской и византийской цивилизаций на местные культуры, а также оценку их конкурентоспособности.

Успех такого стереоскопического подхода напрямую связан с отказом от хрестоматийных рамок сравнительного рассмотрения истории Центрально-Восточной Европы как “параллельной биографии” или *Doppelbiographie* Польши и России³¹. Историческая проблематика этого региона гораздо шире истории взаимоотношений двух стран. Попытка ретроспективно оценить раннее средневековье с точки зрения существования России как империи и ее “большого нарратива” создает искаженное представление о прошлом.

Добавим, что идея представить Восточно-Центральную Европу как место столкновения цивилизаций в процессе организации нового мирового порядка³² также является неоправданной модернизацией истории и насилием над антиимперским выбором европейских народов. Как ни парадоксально это прозвучит, но субъективное освобождение от историографического бремени оказывается залогом объективного понимания прошлого.

Неизбежным следствием российско-польского параллельного подхода является доминирование исследований и публикаций, посвященных недавнему прошлому³³. В рамках этой научной традиции сравнительные исследования

M. Jacob M. (dir.). Nanterre, 2011; Aubert J.-M. Moyen Âge et Culture antique *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. No 2. 1960. P. 250–264; Spunar P. On different traditions of Classical Antiquity in the Middle Ages *Folia philological*. Vol. 102: 2/3. 1979. P. 109–113.

²⁹ Turner F. J. *The Frontier in American History*. New York, 1921.

³⁰ White R. *The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815*. Cambridge, 1991.

³¹ Zernack K. *Polen und Rußland: zwei Wege in der europäischen Geschichte*. Berlin, 1994.

³² Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, 1996.

³³ Orłowski J. *Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej (do r. 1917)*. Warszawa,

1992; Giza A. *Polaczkowie i Moskale – wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle 1800–1917*. Szczecin, 1993; Karpiński W. *Polska a Rosja. Z dziejów słowiańskiego sporu*. Warszawa 1994; Поляки и русские в глазах друг друга / А. В. Хореев (отв. ред.). Москва, 2000; Polacy w oczach Rosjan, Rosjanie w oczach Polaków. Materiały z konferencji naukowej, Warszawa, 2–4.XII.1999 r. / R. Bobryk, J. Faryno (red.). Warszawa, 2002; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / А. В. Липатов, И. О. Шайтанов (ред.-сост.). Москва, 2000; Polacy a Rosjanie: materiały z konferencji “Polska–Rosja. Rola polskich powstań w kształtowaniu wzajemnych wyobrażeń”. Warszawa; Płock, 14–17 maja 1998 r. / T. Epsztein (red.). Warszawa, 2000; Россия–

подменяются описанием взаимных представлений поляков и россиян. Это определило приоритеты деятельности Комиссии историков сначала СССР и ПНР, затем – Польши и России³⁴, а позднее – совместной Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений³⁵. Историография заменяла историю, не погружаясь в средневековую проблематику³⁶. Российская историческая наука продолжала основываться на идеях Николая Карамзина из “Мнения российского гражданина”³⁷. Здесь господствовало убеждение, что взаимные негативные стереотипы сформировались еще в раннем средневековье,³⁸ хотя объективный взгляд на историю допускал, что представления средневекового поляка о русине формировались не на примере будущего россиянина, а будущего украинца, тогда как москвит лишь на исходе XIV в. стал выделяться из общей массы населения Восточной Европы³⁹.

В эпоху Варшавского договора основой сравнения стала идея единства славянской истории и культуры. Не последнюю роль здесь сыграли интересы будущего научного сотрудника Института славяноведения АН СССР Владимира Королюка, пользовавшегося авторитетом в академическом мире⁴⁰. В области средневековой истории преобладали темы общности и своеобразия раннефеодальных государств и “феодальной раздробленности”, подчеркивавшие

Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / А. В. Хореев (отв. ред.). Москва, 2002; *Polacy i Rosjanie: 100 kluczowych pojęć* / A. Magdziak-Miszewska, M. Zuchniak, P. Kowal. Warszawa, 2002; Миф Европы в литературе и культуре Польши и России / М. В. Лескинен, В. А. Хореев (ред.). Москва, 2004; Чубарова В. В. Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. Т. 206. 2008. С. 3–28; Эйльбарт Н. В. Оппозиция “своего” и “чужого” в восприятии поляков российским обществом *Диалог культур и партнерство цивилизаций. XIV Международные Лихачевские научные чтения. 15–20 мая 2014 года*. Санкт-Петербург, 2014. С. 447–448; *Mentalność rosyjska a Polska* / E. Walewander (red.). Lublin, 2015; *Królczyk A. Rosjanie i Rosja w relacjach Polaków podróżujących na Wschód (1795–1863)*. Praca doktorska napisana w Zakładzie Historii Europy Wschodniej UAM. Poznań, 2015; *Сабадаш Н. П.* Польская тема в русской литературе Николаевской эпохи (1826–1855 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, кафедра истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета. Москва, 2015; *Лыкошина А. С.* Польша и поляки в российском общественном дискурсе *Актуальные проблемы Европы*. № 2. 2016. С. 66–86; *Ее же.* Интерпретация образа России как элемент формирования польской национальной идентичности *Nowa Polityka Wschodnia*. № 2(13). 2017. S. 146–156.

³⁴ Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / К. А. Кочегаров, Л. П. Марней, Б. В. Носов (ред.-сост.). Москва, 2017.

³⁵ *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polskorosyjskich (1918–2008)* / Rotfeld A. D., Torkunow A. W. (red.). Warszawa, 2010; *White spots, black spots: difficult matters in Polish-Russian relations, 1918–2008* / A. D. Rotfeld, A. V. Torkunov (eds.). Pittsburgh, 2015.

³⁶ *Blachowska K. Narodziny imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku*. Warszawa, 2001; *Filatowa N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej Polacy a Rosjanie...* S. 21–34.

³⁷ *Карамзин Н. М.* Мнение русского гражданина [Письмо Александру I по поводу проекта восстановления Польши] *Его же. Неизданные сочинения и переписка*. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1862. С. 3–8.

³⁸ *Лыкошина А. С.* Польша и поляки... С. 66–67. Ср.: *Кеipiński A. “Lach i Moskal”. Z dziejów stereotypu*. Warszawa 1990; *Tazbir J.* Mity i stereotypy w dziejach Polski. Warszawa, 1991; *Dzwonkowski W.* Rosja a Polska. Warszawa, 1991.

³⁹ *Maciejewski J.* Stereotyp Rosji i Rosjanina w polskiej literaturze i świadomości społecznej *Więź*. Т. 2(472). 1998. S. 183–197. Ср.: *Ее же.* Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании *Поляки и русские...* С. 6–21.

⁴⁰ *Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. Москва, 1964.

единство исторических процессов в “Киевской Руси” и у западных славян⁴¹. История становилась этно-политической, что соответствовало тенденциям 1960–1970-х годов, эпохи формирования “новой исторической, социальной и интернациональной общности людей – советского народа”⁴². Кабинетная концепция “древнерусской народности”, изобретенная в СССР после Второй мировой войны для стимулирования великодержавного шовинизма, подавления национальных движений и формирования “советского народа”, превратилась в инструмент исторических исследований и средство оправданная экспансионистской политики Москвы в XV–XVI в.⁴³

Подобной фиксации на российской истории соответствовала и стратегия издания источников. После полного перевода *Cronicae et gesta ducum sive principum polonorum*⁴⁴ правилом стало издавать лишь эскизы латинских сочинений, касающиеся Восточной Европы, иногда без оригинального текста. Лишенные контекста, эти отрывки не позволяли оценить их место в структуре и замысле сочинения, создавая неверное представление об исключительной роли Руси в истории Центрально-Восточной Европы⁴⁵. Это приводило к появлению публикаций, формирующих у читателя предвзятую уверенность в тенденциозности польских средневековых текстов и представляющих их авторов как “беззащитных панегиристов”⁴⁶. Стоит отметить, что в современном польском источниковедении эта тенденция не получила развития⁴⁷.

⁴¹ Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в ист. развитии Руси и Польши XII–XIV вв. / Б. А. Рыбаков (ред.). Москва, 1974.

⁴² Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья / В. Д. Королюк (отв. ред.). Москва, 1982; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма / Г. Г. Литаврин, В. В. Иванов (отв. ред.). Москва, 1989; Культурные связи России и Польши в XI–XX вв. / Я. Н. Шапов, С. М. Фалькович, Н. И. Щавелева (ред.). Москва, 1998.

⁴³ См. использование этой концепции в реконструкции событий конца XV в. в: Пашуто В. Т., Флора Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. Москва, 1982. С. 165.

⁴⁴ Галл Аноним. Хроника или деяния князей или правителей польских / Л. М. Попова (изд.). Москва, 1961.

⁴⁵ “Великая хроника” о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Н. И. Щавелева (изд.). Москва 1987; Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий / Н. И. Щавелева (изд.). Москва 1990; Древняя Русь в “Польской истории” Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / Н. И. Щавелева, А. В. Назаренко (изд.). Москва, 2004.

⁴⁶ Лимонов Ю. А. Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси Про-

блемы истории феодальной России: Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина / А. Л. Шапиро (изд.). Ленинград, 1971; Щавелева Н. И. Известия о Руси в польской хронике магистра Винцента (XII в.) Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. Москва 1975. С. 138–144. Ее же. Древнерусские известия Великопольской хроники Летописи и хроники. 1976 г. Москва, 1976. С. 54–66; Ее же. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винцента Кадлубка) Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР / В. Т. Пашуто (ред.). Москва, 1978; Карнаухов Д. В. Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV–XVI вв. (источники и историография исследования) История и историки: историографический вестник. № 1. 2005. С. 53–83; Его же. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010; Его же. “Русские” и “Московские” известия в трудах польских историков второй половины XV – начала XVII вв. (историографический аспект). Новосибирск, 2014. Ср. подобные исследования в польской историографии: *Skomiał J. Polscy kronikarze wieków średnich o Rusi i Rusinach Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, Sectio G. (Ius)*. Т. 59, nr 1. 2012. S. 81–93.

⁴⁷ *Chronica Galiciano-Voliniana (Chronica Romanoviciana)*. *Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów)* / D. Dąbrowski,

Целью немногочисленных монографических исследований по истории политий Восточной Европы, представленных как единая Русь, и Польши оказывался не столько компаративный анализ системного соотношения разных обществ, сколько описание их взаимных отношений⁴⁸. Это не исключало появления сравнительных исследований отдельных сюжетов, связанных с легендарными традициями и представлениями о власти⁴⁹, социально-политической титулатурой⁵⁰, древнейшими формами материального обеспечения Церкви, церковным патронатом, формированием церковного сословия, борьбой за независимость Церкви от государства⁵¹, содержанием дружинного государства и характеристикой его элиты⁵², а также отдельными эпизодами, предполагающими компаративистские подходы⁵³.

Полученное знание обладало одной характерной чертой: оно являлось не столько результатом сравнения синхронных текстов, сколько сопоставления ученых концепций. Известно, однако, что в XX в. российская историческая наука претерпела серьезные деформации. В трудах Бориса Грекова "Киевская Русь" стала унитарным государством с развитой политической властью и судебно-правовой системой, все жители которой считали себя русами/русинами⁵⁴.

A. Jusupović (ed.) *Monumenta Poloniae Historica*. S. N. II. 16. Kraków; Warszawa, 2017; *Kronika halicko-wołyńska: kronika Romanowiczów* / D. Dąbrowski, A. Jusupović (ed.). Kraków; Warszawa 2017.

⁴⁸ Линниченко И. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. 1: Русь и Польша до конца XII века. Киев, 1884; *Włodarski B. Polska i Ruś: 1194–1340*. Warszawa, 1966; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988; *Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв.* Москва, 2001. См. также одну из последних статей: *Dąbrowski D. Piasten and Rjurikiden vom 11. bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts Fernhändler, Dynasten, Kleriker. Die piastische Herrschaft in kontinentalen Beziehungsgeflechten vom 10. bis zum frühen 13. / Jahrhundert*. D. Adamczyk, N. Kersken (Hrsg.) (Quellen und Studien. Niemiecki Instytut Historyczny w Warszawie. Bd. 30). Wiesbaden, 2015. S. 155–191.

⁴⁹ *Щавелев А. С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян*. Москва, 2007; *Его же*. Еще раз о мифоэпических устных источниках средневекового историописания: рассказы об основателях династий у Галла Анонима и Снорри Стурлусона *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2013 год. *Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья* / Д. Д. Беляев, Т. Гимон (ред.). Москва, 2016. С. 565–592.

⁵⁰ *Boroń P. Kniaziowie, królowie, carowie... Tytuły i nazwy władców słowiańskich we*

wczesnym średniowieczu. Katowice 2010.

⁵¹ *Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви: древнерусское и славянское средневековье*. Москва, 2007.

⁵² *Żmudzki P. Władca i wojownicy. Narracje o wodzach, drużynie i wojnach w najdawniejszej historiografii Polski i Rusi*. Wrocław, 2009; *Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках*. Москва, 2012; *Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект*. Москва, 2009; *Его же. Дружинное государство в Польше и на Руси. Элитные воинские формирования и власть (Древность и Средневековье) Его же. Военная история Брянского края (от древности до включения в состав Древнерусского государства)*. Брянск, 2012. С. 104–108, 113–118; *Kurnatowska Z. Formowanie się państw słowiańskich w aspekcie porównawczym Europa barbarica, Europa christiana. Studia mediaevalia Carolo Modzelewski dedicata* / R. Michałowski (red.). Warszawa, 2008. S. 81–91.

⁵³ *Стефанович П. С. Володарь перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел Древняя Русь: вопросы медиевистики*. № 3(25). 2006. С. 56–74; № 4(26). 2006. С. 78–89.

⁵⁴ См.: *Греков Б. Д. Рабство и феодализм в Киевской Руси Известия Государственной академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра*. Вып. 86. Ленинград, 1934. *Passimum*; *Его же. Феодальные отношения в Киевском государстве*. Москва; Ленинград, 1936; *Его же. Киевская Русь*. 3-е изд. Москва; Ленинград, 1939; *Его же. Киевская Русь*. [4-е изд.]. Москва; Ленинград, 1944.

Эта концепция была ничем иным, как идеей СССР, обращенной в прошлое⁵⁵. Она вызвала серьезные дискуссии, быстро подавленные административным ресурсом академика⁵⁶, поскольку соответствовала государственной политике и политическим настроениям эпохи.

Стоит добавить, что в 1920–1930-х годах “сотворение” Киевской Руси в условиях национального украинского возрождения, освободительной борьбы Центральной Европы против империй и возрождения местной государственности, а также провозглашения самими российскими большевиками “права наций на самоопределение”, имело в отношении Украины и украинской истории очевидную политическую цель. Речь шла о новом этапе и способе инкорпорации Украины в имперское пространство России, как всегда – путем манипуляции исторической памятью. Украинцы получали Киевскую Русь, стоящую у истоков России-СССР взамен собственной национальной государственности. Проводимая коммунистическим режимом политика коренизации в СССР отражала не свободу, а осознанную большевиками необходимость. В целях укрепления собственной власти режим старался привлечь на свою сторону большинство населения среди наций и этносов, объединенных в унитарное государство, путем предоставления им национально-культурной автономии⁵⁷ вместо действительного национального возрождения и самоопределения.

Украина и Киев играли в этой политике особую роль не только в связи с имперским российским менталитетом, никуда не исчезнувшим из СССР и требующим признать Киев “матерью российских городов”, но и в связи с событиями новейшей украинской истории. Память об Украинской народной республике была еще свежа, а грековская гипотеза увидела свет в тот самый год, когда первый президент Республики и крупнейший историк Украины, М. С. Грушевский, ушел в мир иной. Интересно также отметить временное совпадение между появлением концепции “Киевской Руси” и свертыванием политики коренизации вообще и украинизации в частности в 1930-е годы. Все это придавало процессу советской коренизации в Украине определенный колорит: вместо культурных и политических реалий здесь насаждалась тешащая национальное тщеславие, но весьма иллюзорная идея об историческом приоритете Киева в истории России. Коренизация, таким образом, была обращением не к настоящему или будущему, а к прошлому, а украинизация вновь становилась руссификацией.

Нельзя, однако, не отметить, что подобное влияние политики на историческую науку было характерно не только для коммунистической империи, но и для междувоенной Польши. Зигмунд Войцеховский (1900–1955) признавал,

⁵⁵ См.: Мусин А. Е. *Corpus fratrum* или “союз архонтов”? Историко-археологический комментарий к моделям власти в Восточной Европе конца XI века *Stratum plus*. № 5. 2018. С. 183–206.

⁵⁶ Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. Санкт-Петербург, 2010. С. 238–239; Тихонов В. В. Забытые страницы советской историографии: дискуссия Б. Д. Грекова и Б. И. Сыромятникова о характере социально-экономического строя Киевской Руси *Исторический ежегодник* 2012.

Новосибирск, 2012. С. 34–45; Musin A. “Ród ruski”, “ród wareski” i narodowość staroruska *Orientalia Cracoviensia*. Vol. 4. 2012 (2015). S. 11–23.

⁵⁷ Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001. Ср.: Даниленко В. М., Касьянов Г. В., Кульчицкий С. В. Сталинизм на Україні: 20–30-ті роки. Київ, 1991. С. 250. Ср. поверхностный и ангажированный подход к этому явлению в: Борисенко Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. Москва, 2006. С. 110–111.

что его концепция *polskich ziem macierzystych*⁵⁸ была сформулирована лидером польских национал-демократов Романом Дмовским (1864–1939)⁵⁹, а ученый лишь распространил ее на область исторического исследования⁶⁰. В 1940–1950-х годах можно отметить определенное влияние марксистской историографии СССР на историческую науку ПНР⁶¹, в частности, в вопросе идеализации Польши Пястов и критики “имперской политики” Ягеллонов.

Однако нельзя утверждать, что эти искусственные деформации были определяющими для академической жизни. Для европейской исторической науки первой половины – середины XX в. существовали общие приоритеты и тенденции методологического развития. Прежде всего, к ним относятся преувеличенная роль государства в истории и этноцентризм⁶², концепция национальной унифицированной государственности⁶³ и экономические отношения как фундамент общественно-политической жизни прошлого. Очевидно, интерес российской и польской историографии коммунистической эпохи к истории крестьянства⁶⁴ вполне сопоставим с подходами “школы Анналов” и должен объясняться не столько марксизмом, сколько конвергентным развитием европейской науки в поисках фундаментальных основ исторического процесса и его источниковой базы⁶⁵.

Осознание историографических деформаций и тенденций XX в. ставит перед исследовательским сообществом вопрос: что подлежит сравнению в исследованиях? Концепции сталинской и националистической историографии, построения современных исследователей или же системный анализ исторических источников, представленных различными формами исторической памяти, прежде всего текстами и материальной культурой?

Очевидно, что осмысление историографического бремени и освобождение от него есть важная часть ремесла историка, однако в описании и/или понимании прошлого главная роль принадлежит сравнению нарративов и артефактов. При

⁵⁸ Grabski A. F. Zygmunt Wojciechowski i historia macierzystych ziem Polski *Wojciechowski Z. Zygmunt Stary (1506-1548) / A. F. Grabski (ed.)*. Warszawa, 1979. P. 6, 10.

⁵⁹ Dmowski R. Niemcy, Rosja i kwestia polska. Lwów, 1908.

⁶⁰ Wojciechowski Z. Dwa ośrodki państwowotwórcze w Polsce na przestrzeni dziejów i ich zasięg geograficzny. Lwów, 1937; *Ejusedem*. Rozwój terytorialny Prus w stosunku do ziem macierzystych Polski. Toruń, 1934.

⁶¹ Szumski J. Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016.

⁶² Ср.: Stobiecki R. Historiografia PRL: ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana; studia i szkice. Warszawa, 2007; *Ejusedem*. Historia pod nadzorem: spory o nowy model historii w Polsce (II połowa lat czterdziestych – początek lat pięćdziesiątych). Łódź, 1993; *Ejusedem*. Bolszewizm a historia: próba rekonstrukcji bolszewickiej filozofii dziejów. Łódź, 1998; Zaremba M. Komunizm, legitymacja, nacjonalizm. Nacjonalistyczna legitymacja władzy komunistycznej w Polsce. Warszawa, 2001; Ko-

byliński Z. Archeologia wczesnego średniowiecza w Polsce 1939–1989: sukcesy i porażki *Pół wieku z dziejów archeologii polskiej (1939–1989) / J. Lech (red.)*. Komitet Nauk Pra- i Protohistorycznych. Prace 6. 2007. S. 357–410.

⁶³ Drelicharz W. Idea zjednoczenia królestwa w średniowiecznym dziejopisarstwie polskim. Warszawa, 2012.

⁶⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Москва; Ленинград, 1946; Buczek K. O chłopach w Polsce piastowskiej *Roczniki Historyczne*. T. 40. 1974. S. 51–105; T. 41. 1975. S. 1–79; Modzelewski K. Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej. Wrocław, 1987; Gawlas S. Chłopi w Polsce piastowskiej przed kolonizacją na prawie niemieckim jako problem historiograficzny *Roczniki Historyczne*. T. 78. 2012. S. 7–50.

⁶⁵ Musin A. L’histoire de la culture matérielle en Russie au XXe – début XXIe siècle: entre les enjeux politiques, les tâches académiques et les réalités archéologiques *La culture matérielle: un objet en question. Anthropologie, archéologie et histoire. Actes du Colloque, 9 et 10 octobre 2015 / L. Bourgeois, L. Feller (dir.)*. Caen, 2018. P. 57–75.

этом стоит учитывать, что два типа исторических памятников не противопоставляются друг другу, в том числе и потому, что материальная культура, реальная или воображаемая, всегда отражалась в рассказе, становившимся текстом⁶⁶.

Сосредоточимся на нарративе и способах отражения в нем современных или предшествующих ему реалий. Сегодня доверие к древнему тексту оказывается подорвано, поскольку некоторые коллеги считают, что нарратив не отражает историческую реальность. Подобное мнение в действительности является не столько методологическим вызовом, сколько методологической капитуляцией. Рассказ, безусловно, отражает реальность, однако средневековый автор передавал эту реальность с помощью специального кода, который был привычен его современникам. Расшифровка такого кода является частью ремесла историка.

Стремление увидеть в трудах средневековых авторов “нарративные стратегии” вместо нарратива и осуществить их деконструкцию присуще, прежде всего, англосаксонской историографии⁶⁷. Этот подход менее известен во Франции⁶⁸, однако стал весьма модным при изучении летописей и хроник Центрально-Восточной Европы⁶⁹. Однако у этого подхода есть врожденный недостаток: он

⁶⁶ Об этом подходе см.: Roach D. The Material and the Visual: Objects and Memories in the Historia ecclesiastica of Orderic Vitalis *Haskins Society Journal*. Vol. 24. 2013. P. 63–78.

⁶⁷ Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions *The Invention of Tradition* / E. Hobsbawm, T. Ranger (dir.). Cambridge; New York, 1983. P. 1–14; Carr D. Time, Narrative and History. Bloomington, 1986; White H. The Value of Narrativity in the Representation of Reality *White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore, 1987. P. 4–25; Berkhofer R. F. Beyond the Great Story. History as Text and Discourse. Cambridge; Londres, 1995; Munslow A. Deconstructing history. London, 1997; Spiegel G. M. The Past as Text. The Theory and Practice of Medieval Historiography. Baltimore, 1998.

⁶⁸ Ricœur P. Temps et Récit. T. 1–3. Paris, 1983–1985; Vincent G. Histoires et romans: le récit, forme de l'expérience du temps [Temps et récit (I et II) de Paul Ricoeur] *Autres Temps. Les cahiers du christianisme social*. No 7. 1985. P. 73–80; Dragonetti R. Le Mirage des sources. L'art du faux dans le roman médiéval. Paris, 1987; Corbellari A. Le texte médiéval *La littérature du Moyen Age entre topos et création Poétique*. Vol. 163, № 3. 2010. P. 259–273.

⁶⁹ Полемику и подходы в отношении восточно-европейской истории см. в: Вилкул Т. А. [Рец. на кн.:] А. В. Назаренко. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с. *Средневековая Русь*. № 5. 2004, С. 281–293; Назаренко А. В. Несколько слов о “конструктивизме” и “деконструкции” (по поводу рецензии

Т. А. Вилкул *Средневековая Русь*. № 5. 2004. С. 294–300; Вилкул Т. А. “Люде” и князь в конструкторских летописях XI–XIII вв. *Ruthenica. Supplementum* 1. Київ, 2007; Лукин П. В. Деконструкция деконструкции. О книге Т. А. Вилкул по истории древнерусского веча *Scrinium* 4: *Patrologia Pacifica*. 2008. С. 403–434; Вилкул Т. А. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. Москва, 2009; Ее же. По поводу рецензии П. В. Лукина “Деконструкция деконструкции” *Scrinium* 5: *Symbola Caelestis*. 2009. С. 451–494; Лукин П. В. Нужно ли нам “новаторство”? (Об ответе Т. А. Вилкул) *Scrinium* 5: *Symbola Caelestis*. 2009. С. 495–511; Keenan E. L. Rew.: Tat'iana L. Vilkul, Liudi i kniaz v drevnerusskikh letopisiakh serediny XI–XIII vv. (Moscow: Kvadruga, 2009) *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 12:2. 2011. P. 501–509; Lukin P. V. On Deconstruction and Ethnicity *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 12:4. 2011. P. 1006–1008; Дворниченко А. Ю. “Нарративы! Нарративы! До чего ж вы довели...”: о книге Т. А. Вилкул “Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.” (М.: Квадрига, 2009. 408 с.) *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2: История. Вып. 4. 2011. С. 152–157; Tolochko O. Christian Chronology. Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)* / I. H. Garipzanov (eds.) (Medieval Texts and Cultures of Northern Europe, 26). Turnhout, 2011. P. 205–227; Ее же. Очерки начальной руси. Киев; Санкт-Петербург, 2015; Мусин А. Е.

сложился в процессе изучения литературы XIX в., авторам которой было присуще ярко выраженное творческое индивидуальное начало⁷⁰. Такая креативность была чужда автору средневековых текстов. Механическое и некритичное перенесение методологии, апробированной на нарративе Нового и Новейшего времени, модернизирует средневековый текст, принципы и цели его написания и функционирования. Существующие попытки осмыслить средневековую хронографию по аналогии с историей африканского племени зулусов, написанной в конце XIX – начале XX в. на основе местных преданий католическим миссионером англичанином Альфредом Брайнтом (Alfred Thomas Bryant, 1865–1953)⁷¹, приводят к серьезной абберации в восприятии древних текстов⁷².

Нельзя оставить без внимания и социально-политический контекст появления таких публикаций. Деконструктивизм средневековой традиции был частью протеста академического истеблишмента против европейских национализмов XX в.⁷³ Однако националистические злоупотребления историческими текстами не могут быть причиной отрицания их информационной значимости, ибо *abusus non tollit usum*⁷⁴. Нельзя упускать из виду и индивидуальный фактор, поскольку в ряде деконструктивистских публикаций личная мотивированность и тенденциозность слишком часто исчерпывают содержание⁷⁵.

В польской историографии существуют достаточно удачные попытки прочтения средневекового нарратива на сравнительном фоне славянских и индоевропейских культур, принадлежащие Яцеку Банашкевичу⁷⁶. Такой структуралистический подход стоит определить как “горизонтальную компаративистику”, обращающую преимущественное внимание на культурные параллели. Несмотря на интересные наблюдения за польской исторической памятью, такой подход в целом демонстрирует, что польская культура принадлежит к семье культур индоевропейских.

В данном случае интересно выявить различия в ценностных ориентациях, которые информационно сокрыты внутри источника – текста или совокупности

Некоторые мысли, возникающие после прочтения новых книг. Об “очерках начальной руси”, составленных Алексеем Петровичем Толочко *Княжа доба: історія і культура*. Вип. 10: Святий Володимир Великий (1015–2015) / Відп. ред. В. Александрович. Львів, 2016. С. 242–257. См. также: Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва, 1996.

⁷⁰ White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore, 1973.

⁷¹ Этот подход см. в: Geary P. J. *The myth of nations: the medieval origins of Europe*. Princeton, 2002; Curta F. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region*, с.500–700. Cambridge, 2001.

⁷² Ср.: Venayre S. *Avant-propos Écrire l'histoire*. No 7. 2011. P. 9–21.

⁷³ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983; Fukuyama F. *The End of History? The National Interest*. No 16. 1989. P. 3–18; Ejusdem. *Identity: The Demand for Dignity and the*

Politics of Resentment. New York, 2018.

⁷⁴ Smith A. D. *The myth of the ‘modern nation’ and the myths of nations* *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 11:1. 1988. P. 1–26; Reynolds S. *Medieval origins gentium and the community of the realm* *History*. Vol. 68. 1983. P. 375–390.

⁷⁵ Назаренко А. В. *Несколько слов...* С. 294–300.

⁷⁶ Banaszkievicz J. *Podanie o Piaście i Popielu. Studium porównawcze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi*. Warszawa, 1986; *Ejusdem*. *Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka*. Wrocław, 2002. Сравни исследования “нарративных стратегий”, вдохновленные подобным подходом: Żmudzki P. *Władca...*; Deptuła Cz. *Galla Anonima mit genezy Polski: studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa średniowiecznego*. Lublin 2000; Skibiński E. *Przemiany władzy: narracyjna koncepcja Anonima tzw. Galla i jej podstawy*. Poznań, 2009; Żmudzki P., Kowalewski J. *Readings of the Past / Lektury przeszłości Rocznik Antropologii Historii*. Vol. 2(2). 2012. P. 11–13.

материальных объектов. Изучение эволюции ценностных ориентаций, некогда предложенное Флоренсом Клуххомом и Фредом Стодбеком для прикладной социологии и разрешения конфликтов в многонациональных обществах⁷⁷, представляется результативным при изучении явлений средневековой культуры. В конечном итоге, различные сферы деятельности древних обществ, их тексты и материальная культура отражают присущую им систему ценностей.

Это включает в себя и осмысление социо-культурных функций средневекового письма и нарратива, как это предложил Поль Бертран⁷⁸. Среди этих функций можно выделить структуризацию, классификацию и сохранение информации, регистрацию исторической памяти, интеркультурный и межсоциальный трансфер этой памяти, подтверждение истинности устной памяти, ее осмысление и контроль над ней, в том числе и в прогностических целях.

Нельзя упускать из виду, что сложение раннесредневековых текстов приходится на эпоху христианизации. Одним из последних становления новой религии была легитимизация собственной дохристианской истории, включение языческого прошлого в библейскую историю спасения. Это происходило путем текстуализации оральной традиции. Как в свое время Слово стало плотью (*Verbum caro factum est*), слово становилось текстом (*Verbum texus factum est*). Несмотря на очевидный приоритет писания над преданием и зафиксированного нарратива над динамикой его оральной формы, нельзя утверждать, что связь устного и записанного слова была однонаправленной⁷⁹. Тексты продолжали воспроизводиться на слух, в светской практике и в литургии, создавая тем самым новую оральность⁸⁰ в рамках открытой традиции.

Это позволяет перейти к “вертикальной компаративистике”, связанной с анализом различных вариантов ценностных ориентаций и их иерархии “другим оком”. Современное понимание компаративизма предполагает помещение изучаемого феномена в различные контексты с целью выявления его сходств и различий с окружающими явлениями и процессами. Такое поливариативное осмысление “информационных поводов”, оставленных нам средневековыми текстами, смело может быть названо “археологическим”, поскольку соответствует необходимой процедуре понимания артефакта, предполагающей поиск широкого круга аналогий и интерпретационных возможностей.

⁷⁷ Ключевое произведение: Kluckhohn F. R., Strodbeck F. L. Variations in value orientations. Evanston (Il.), 1961.

⁷⁸ Bertrand P. Les écritures ordinaires. Sociologie d'un temps de révolution documentaire (entre royaume de France et Empire, 1250–1350). Paris, 2015.

⁷⁹ Ong W. J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. New York, 2002; *Ejusdem*. Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii, przeł. wstęp J. Japola. Lublin, 1992; Skibiński E. Elementy historii oralnej w kronikach Galla Anonima i Wincentego Kadłubka *Kultura piśmienna średniowiecza i czasów nowożytnych. Problemy i konteksty badawcze* / P. Dymmel, B. Trelińska (red.). Lublin 1998. S. 63–72; Polak W. “Gesta” Gallowe a kultura oralna. *Tekst. Źródła. Krytyka. Interpretacja* / B. Trelińska (red.). Warszawa, 2005. S. 65–75; Wiszewski P.

Domus Boleslai. W poszukiwaniu tradycji dynastycznej Piastów (do około 1138 roku). Wrocław, 2008. S. 170–173; Wojtowicz W. Konstruowanie Galla. Problem oralności jako problem interpretacyjny tekstu *Litteraria Copernicana*. T. 3(19). 2016. S. 119–131. Cp.: *Ejusdem*. Miedzy oralnością a pismem: kilka uwag o staropolskiej “Legendzie o św. Aleksym” *Pamiętnik Literacki*. T. 90, zesz. 2. 2007. S. 185–206.

⁸⁰ Смотри, например, паремии свв. Бориса и Глеба, составленные на основе летописи, которые стали литургическими текстами, публично читаемыми за богослужением: Успенский Б. А. Борис и Глеб. Восприятие истории в Древней Руси. Москва 2000; Гуптис А. А. “Летописные” паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст *Факты и знаки: исследования по семиотике культуры*. Т. 2. 2010. С. 42–71.

Подчеркнем, что в данном случае сравнение и сопоставление не является целью исследователя. Они необходимо для контрастного выявления системных особенностей изучаемых культур и обществ на фоне современных им явлений. В конечном счете, компаративистика оказывается инструментом историка, позволяющим “перевести” польское общество и культуру эпохи средневековья на культурный язык, которым пользовались в Византии и на Руси, одновременно излагая восточно-европейскую историю в категориях латинской культуры. Это тем более актуально, что польская историография зачастую предпочитает употреблять термин “византийско-русский” или даже “византийский”, избегая возможных ассоциаций с древнерусским и российским влиянием на польскую историю⁸¹.

Стоит подчеркнуть: в рамках предполагаемого сравнительного исследования речь не идет о представлениях о ляхах в Византии и на Руси или же польских стереотипах о русинах как “отношении к чужому”. Характеристика таких явлений может быть частью метода, но не целью исследования, центром которого являются не “отношения между” или “отношение к”, а соотношение двух исторических явлений. Под этим соотношением понимается сравнительное системное описание общества и культуры в целом, связанное с оценкой совместимости их внутренних характеристик.

Попытаемся показать это с помощью анализа ряда эпизодов, связанных с отражением материальности средневековья в Повести временных лет, Киевском своде и *Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum*. Повесть временных лет упоминает ляхов и Лядскую землю не менее 49 раз, т.е. чаще, чем варягов, стоявших у истоков политической системы и династии Восточной Европы⁸². Летопись создавалась в Киеве, центре Руськой земли, однако население прочих земель не воспринимало себя в качестве руси⁸³. Каково было место ляхов и Лядской земли в картине мира их обитателей?

Если Киевский и Галицко-Волынский своды многократно упоминают их весьма часто в силу географической близости и тесных контактов, то Новгородская летопись не знает ляхов вообще. Не мене показательно и молчание берестяных грамот. “Лях” определенно упоминается в них лишь один раз во второй половине XII в. (№ 1033)⁸⁴ (Троицкий раскоп, усадьба “Ж”, пл. 6 (гл.-106м), кв. 1840,

⁸¹ Ср.: Kotbuk W. “Nieromantyczna” wizja rosyjsko-bizantyjskiego prawosławia na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim *Tradycje bizantyjskie: romantyzm i inne epoki* / E. Kasperski, O. Kryszowski (eds.). Warszawa, 2014. S. 187–197; Maj J. Die “Byzantinische Frage” und die Polnische Kultur: ein bibliographischer Bericht Originalveröffentlichung *Byzanz in Europa: Europas östliches Erbe. Akten des Kolloquiums “Byzanz in Europa” vom 11. bis 15. Dezember 2007 in Greifswald* / M. Altripp (Hrsg.). Turnhout, 2011. S. 405–421.

⁸² Творогов О. В. Лексический состав “Повести временных лет”: Словоуказатели и частотный словарь. Киев, 1984.

⁸³ См.: Мусин А. Е. “Погибель земли Руськой”. Средневековый словарь и его прочтения: к эволюции этнополитических представлений в Восточной Европе XII–XVI вв. *Colloquia Russica, Series II, vol. 4: Церковнословенська Русь: проблеми термінології /*

В. Нагірний, М. Волощук (ред.). Івано-Франківськ; Краків, 2018. С. 114–116. Здесь же соответствующая библиография.

⁸⁴ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. 12. Москва, 2015. С. 132–133. См. также дискуссионные упоминания в грамотах № 615 и 999: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). Т. 9. Москва, 1993. С. 21–22; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Москва, 2004. С. 498–499; Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты... С. 97–99. См. также: *Naгірнуу V. Antroponimizacja etnonimu “Лях” na Rusi w XI–XIII w. Colloquia Russica. Series I, vol. 9: Rus’ and Poland (10th–14th centuries). Publication from the 9th International Scientific Conference, Przemysł, 5th–8th December, 2018 / V. Nagirnyy, T. Pudłocki (eds.)*. Kraków, 2019. S. 197–205.

дата 1160–1190 гг., текст “а уо [ло]... (бър)ковськъ уо старого луобо 5 коун возми а лах ти зн[ае]”)”⁸⁵. Автор текста грамоты предлагает адресату взять у человека по прозвищу “старый” один или несколько берковцев соли (вес берковца – 160–163,8 кг)⁸⁶ либо 5 кун, и некий Лях в курсе этого дела. По контексту понятно, что Лях – местный персонаж, проживающий в Новгороде или в Новгородской земле. Возможно, это прозвище связано с происхождением. Оно способно отражать направлением социальных или коммерческих связей. Он мог быть польским купцом, однако скорее – новгородцем, имеющим связи с Лядской землей или военнопленным. В последнем случае не исключено, что Тудоров Ляшко, упоминаемый в грамоте № 999, найденной в слоях середины XII в. на той же усадьбе, и Лях грамоты № 1033 – одно и то же лицо⁸⁷. Таким образом, при анализе как отношений, так и соотношений *Polonia* и *Rhōsia* необходимо принимать во внимание существовавшие различия между территориями Восточной Европы, некогда несправедливо объединенными зонтичным термином Древняя или Киевская Русь.

Столь же критически стоит рассматривать и кажущееся классическим противопоставление руси, угров и ляхов в Киевском своде. Так, под 1150 г. летописец пишет, что Изяслав Мстиславич заявляет: “мне отцины въ Оугрехъ нетуть ни в Ляхохъ токмо въ Руской земли”, под 1174 г. сообщает, что князь Святослав Всеволодович Черниговский упрекал Ярослава Изяславича Луцкого, занявшего киевский стол, требуя от него своего участия в управлении Русьской землей со словами: “[я] не Оугринъ ни Ляхъ, но [мы с тобой] одного дѣда есмы внуци”, а под 1194 г. приписывает черниговским Ольговичам следующее утверждение: “мы не угры и не ляхи, а единого деда внуки”⁸⁸.

Анализ этих устоявшихся политических формул, отражавших ценностные ориентации членов “дома Рюрика” в контексте известий о “причастии в Русьской земле”, которое стремились получить Рюриковичи, свидетельствует, что они оказываются литературно-политическим приемом, не связанным с оценочным суждением. “Причастие” как модель княжеского участия в восточно-европейской политике получило в историографии несвойственное эпохе псевдобогословское и “родовое” содержание⁸⁹ или же просто воспринималось как книжный оборот⁹⁰. Для изучаемого периода слово “причастие” обладало такими смыслами, как “судьба, участь, жребий, доля, удел”⁹¹, а по мере развития политического языка происходила демонстративная замена “причастия” на “часть”⁹². Таким образом представители династии Рюриковичей, претендуя на участие в управлении Русьской землей, подтверждали свой статус “архонтов Росии” как высшего слоя элиты средневековой Восточной Европы⁹³. Такой “союз архонтов”,

⁸⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты... С. 44, 132–133.

⁸⁶ Мусин А. Е. Как Прохор-Лебядник киевлян накормил... Слово 31-е Киево-Печерского патерика как источник по истории средневековой Руси и ее материальной культуре *Княжа доба: історія і культура*. Вип. 12 / Відп. ред. В. Александрович. Львів, 2018. С. 39–57.

⁸⁷ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты... С. 98–99.

⁸⁸ Лаврентьевская летопись *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ). Т. 1. Ленинград, 1926. Стб. 329; Ипатьевская летопись

ПСРЛ. Т. 2. Санкт-Петербург, 1908. Стб. 405, 578, 695 [6658 (1150); 6682 (1174); 6703 (1195)].

⁸⁹ Толочко О. П. Русь: держава і образ держави. Київ, 1994. С. 16, 22, 23, 24–27, 35. Ср.: Яковенко Н. М. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ, 2006. С. 43–44.

⁹⁰ Вилкул Т. Л. Люди и князь... С. 74.

⁹¹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка, Москва, 1989. Т. 2(2): П. С. 1490–1492.

⁹² Ипатьевская летопись. Стб. 374 (6657 [1149]), 683 (6703 [1195]), 701 (6704 [1196]).

⁹³ Мусин А. Е. *Corpus fratrum*... С. 183–206.

своего рода “коллективный орган управления” русью, признавался византийско-русскими договорами X в., однако его значение сохранялось и позднее. Упоминание наряду с Русьской землей Угорской и Лядской в XII в. не только не ставит их на низшую ступень политической иерархии Центрально-Восточной Европы, а, напротив, уравнивает в правах существующие государства и общества.

Подобным образом адекватную историческую интерпретацию получает и история о бесе в образе “ляха” из Повести временных лет, бросающем цветки лепка в монахов во время церковного богослужения: те монахи, к которым лепок прилипал, засыпали, а другие продолжали молиться. История известна в Повести временных лет под 6582 г. и в Киево-Печерском патерике: “Бе же... старецъ, именовъ Матфей: бе прозорлив. Единою бо ему стоящю в церкви на месте своемъ, възвед очи свои, позре по братья, иже стоять поюще по обема странами на крилосе, в виде обиходяща беса, въ образе ляха, в луде, и носяща в приполе цветкъ, иже глаголяща лепок. И обиходя подле братью, взимая из лона лепокъ, вержаше на кого любо: аще прилянаше кому цветок в поющих от братья, мало постовав и расслаблен умом, вину створь каку любо, изидяше ис церкви, шед в келью, и уняше, и не възвратяшется в церковь до отпетья; аще ли вержаше на другаго, и не прилянаше к нему цветок, стояще крепок в неньи, донде же отпояху утренюю, и тогда изидяше в келью свою. Се же вида старецъ, поведаше братья своей”⁹⁴.

Некоторое время назад Илья Зайцев и Юрий Артамонов посчитали, что единственной параллелью и возможным источником этой притчи выступает буддийская махаянская сутра Вималакирти Нирдеша III в. н. э. Здесь говорится, что Небесная Дева рассыпала цветы, которые не приставали к бодхисатвам, но оставались на одежде новых учеников как свидетельство их земных привязанностей⁹⁵, неоднократно переводившаяся на китайский, согдийский, тибетский, уйгурский и монгольский языки. Этот сюжет, по мнению исследователей, мог проникнуть в христианскую культуру Восточной Европы при посредстве тюркских племен огузо-туркменской группы, мигрировавших в XI в. из Средней Азии в степную зону и Крым. Авторы этой гипотезы так и не опубликовали ее, однако поделились своим наблюдением с Игорем Данилевским, который и сделал их достоянием обществу⁹⁶.

Непосредственное заимствование этого сюжета в древнерусскую литературу представляется мне маловероятным. Он должен быть осмыслен в контексте традиционной монашеской агиографии, сложившейся на христианском Востоке в середине I тыс. н. э., где тема сна во время псалмопения и стремление злого духа вывести монаха из состояния бодрствования являются ведущими мотивами⁹⁷, а также в контексте культуры сонных видений средневековья⁹⁸. Ближайшей

⁹⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 190; Ипатьевская летопись. Стб. 181.

⁹⁵ *Пу Сун-лин*. Лисьи чары. Рассказы Ляо Чжяя о чудесах / В. М. Алексеев (пер.), Л. З. Эйдлин (сост.). Москва, 1970. С. 342. Ср.: *The Holy Teaching of Vimalakīrti: A Mahāyāna Scripture* / R. A. F. Thurman (eds., transl.). Pennsylvania, 1976. P. 58, 59.

⁹⁶ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. Москва, 2004. С. 127–128.

⁹⁷ Ср.: Brakke D. Demons and the Making of the Monk: Spiritual Combat in Early Christia-

nity. Harvard, 2006. P. 85–87; Powell H. Demonic Daydreams: Mind-Wandering and Mental Imagery in the Medieval Hagiography of St Dunstan *New Medieval Literatures*. Vol. 18. 2018. P. 4–74.

⁹⁸ Bitel L. M. “In Visu Noctis”: Dreams in European Hagiography and Histories, 450–900 *History of Religions*. Vol. 31, No. 1. 1991. P. 39–59; Keskiäho J. Dreams and Visions in the Early Middle Ages: The Reception and Use of Patristic Ideas, 400–900 *Cambridge Studies in Medieval Life and Thought: New Series* 99. Cambridge, 2015; *Dreaming in Byzantium and Beyond* / C. Angelidi, G. Calofonos (eds.). Fraham, 2014;

параллелью к этому рассказу является эпизод из “Диалогов о чудесах” (*Dialogus Miraculorum*) Цезария Гейстербахского *Caesarius z Heisterbacha* (ca. 1180 – ca. 1240).

Здесь говорится, что на бдении св. Куниберта аббат Герман из Мариенштадта, который был тогда простым монахом, увидел со своего места в хоре, что двое демонов вошли в церковь близ пресбитерия и направились к месту аббата между хорами монахов и послушников. Когда они подошли к углу храма из стены выступил третий демон, который присоединился к двум другим и пошел вместе с ними. Они так близко подошли к Герману, что тот мог коснуться их рукой. Глядя на них внимательно, он заметил, что демоны не касаются пола, будучи носимы силой по воздуху. У одного было женское лицо, другой был одет в черную вуаль и черный плащ. Монах, рядом с которым “пристроился” (или которого приметил) демон с плащом, оказывался (или становился) ворчунюм и рабом лени и апатии, тем, кто охотно спит в церквях и неохотно поет, будучи всегда более готовым пить, чем петь, тем, кому самые короткие службы всегда казались слишком длинными. Далее следовала мораль: горе тем, кто спит в церкви⁹⁹.

Как видим, в этом рассказе есть все ключевые элементы: демон, церковь, богослужение, сон, а роль цветка исполняет “прилипающий” к монаху демон как идентификатор приверженности земным страстям и немонашеским ценностям. Нам неизвестен непосредственный агиографический источник Цезария, однако стоит полагать, что сюжет рассказа летописи и диалогов восходит к монашеской письменности I тысячелетия христианской эры, скорее всего – греческой.

Интересно, что все три демона Цезария имеют конкретные этнические, гендерные и социальные характеристики. Один из них был эфиопом, другой выглядел как деревенский житель, а третий имел женское лицо. Здесь нашли свое отражения стереотипы и предрассудки монашеской культуры поздней Античности. Все три образа персонифицировали для монаха “чужого” как источник искушений или носителя языческих традиций¹⁰⁰. Представление о

Verdon J. Dormir au Moyen Âge Revue belge de philologie et d'histoire. T. 72. 1994. P. 749–759; Ekirch A. R. At Day's Close: Night in Times Past. New York, 2006.

⁹⁹ “In nocte vero sancti Kuniberti cum staret in choro Abbatis, tunc simplex monachus, vidit iuxta presbyterium duos daemones intrare, et paulatim ascendere ad stallum Abbatis, inter chorum monachorum atque noviciorum. Qui cum venissent contra angulum, ubi parietes conveniunt, exsiliit daemon tertius, duobus se socians, et cum illis exiens. Tam prope enim transeuntes venerunt ei, ut manu illos tangere posset. Quos diligentius intuens, consideravit quod pedibus terram non tangerent, utpote aereae potestates. Habebat enim unus ex duobus prioribus femineum vultum, in capite vero velamen nigrum, nigro circumdatus pallio. Et sicut mihi retulit, monachus ille, qui tertium daemonem iuxta se foverat, satls erat murmuriosus et non parum accidiosus in choro libenter dormiens, et invitus psallens, hilarior ad potandum, quam ad cantandum. Breviores vigiliae videbantur ei semper longissimae”. См.: *Caesarii Heisterbacensis monachi Ordinis Cisterciensis Dialogus miraculorum / J. Strange*

(eds.). Vol. 1. Coloniae, Bonnae et Bruxellis, 1851. P. 282–283; *Caesarius of Heisterbach/ The Dialogue on Miracles / E. Scott, C. C. Swinton Bland* (eds.). London, 1929; *Wunderbare und denkwürdige Geschichten aus den Werken des Cäsarius von Heisterbach / A. Kaufmann* (Hrsg.). Bd. 2. Köln, 1891. P. 7–11. В русский перевод 2005 г. этот фрагмент не вошел, см.: *Цезарий Гейстербахский. Большой диалог о видениях и чудесах в двенадцати книгах (фрагменты, перевод В. Смирновой) Новые переводы: хрестоматия в помощь студентам / Н. Т. Пахарьян. Москва, 2005. С. 9–17. Недавно опубликованный перевод, ставший мне известным, когда статья уже была закончена, как кажется, нуждается в уточнении: *Андерсен В. Цезарий Гейстербахский. Беседа о чудесах. Раздел пятый. О бесах: перевод, предисловие и комментарий Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии / А. Ю. Прилуцкий* (ред.). Вып. 7. Санкт-Петербург, 2018. С. 187–265 (здесь с. 205).*

¹⁰⁰ Ср.: *Gregg J. Y. Devils, Women, and Jews: Reflections of the Other in Medieval Sermon Stories. Albany, 1997.*

демонe как иностранце вообще¹⁰¹ или конкретно – эфиопе¹⁰² являются конкретизацией обстоятельств такой встречи.

В этой связи лях как ближайший сосед русинов являлся идеальной материей для создания агиографического образа демона. Луда, в которую его одел книжник, не имеет отношение к материальной культуре раннесредневековой Польши. Название этой верхней одежды связано с древне-северогерманским словом *lōdi*. В Повести временных лет она появляется как атрибут иностранца – скандинава Якуна¹⁰³. Позднее монашеская история этот атрибут иностранца перенесет на ляха. В данном случае важно подчеркнуть: летопись не демонизирует ляха, а в соответствии с законом жанра придает демону образ иностранца, в данном случае – ляха. Приоритет здесь отдан психологической динамике “демон-чужой”, а не “чужой-демон”.

Существующие попытки возвести профессиональные и культурные стереотипы к раннему средневековью, как и мнение, что поход на Киев Болеслава Смелого 1069 г. породил “*niechęć mnichów do “łacinników-Lachów”*, stąd się wzięła ta postać biesa na podobieństwo “Lacha”¹⁰⁴, не имеют под собой исторической основы. Отсчет этому антагонизму справедливо начинать только со второй половины XVI–XVII в.¹⁰⁵, а в XIX–XX вв. средневековая образность оказалась подчиненная задачам антипольской пропаганды и россификации, где “лях” становился “лукав и опасен для православных”, а лепок интерпретировался как “органы и костельная помпа”¹⁰⁶.

Осталось добавить несколько слов о роли цветка и буддийских параллелей в этой истории. Связь между образом некоторых цветов и демонским искушением известна монашеской письменности¹⁰⁷. Однако однозначного понимания, чем был летописный лепок, не существует. Встречаются мнения, что это мог быть есмянник (*Asperula aparine*), шиповник (*Rosa majalis*) или репейник (*Arctium lappa*). В последнем случае лепок может быть сопоставлен с символом меланхолии в живописи позднего средневековья¹⁰⁸, однако истоки такого символизма могут оказаться архаичнее.

Остается добавить, что очевидная близость рассказа летописи о демоне-“усыпителе” и буддийской агиографии, на первый взгляд, кажется

¹⁰¹ Classen A. Meeting the Foreign in the Middle Ages. New York, 2002.

¹⁰² Frost P. Attitudes toward Blacks in the Early Christian Era *Second Century*, Vol. 8. 1991. P. 1–11; Byron G. L. Symbolic blackness and ethnic difference in early Christian literature. London, 2002; Brakke D. Ethiopian Demons: Male Sexuality, the Black-Skinned Other, and the Monastic Self *Journal of the History of Sexuality*. Vol. 10: 3–4. 2001. P. 501–535.

¹⁰³ Гиттиус А. А. Бегство от плаща (заметки о “золотой луде” Якуна “Слепого”) *Балканские чтения 9: Terra Balcanica / Terra Slavica*. К юбилею Т. В. Цивьян. Москва, 2007. С. 52–58; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Почему варяг Якун “отбеже луды златое”? Сцены Лиственской битвы 1024 г. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. № 63. 2016. С. 27–40. Ср.: Ламбин Н. П. О слепоте Якуна и его златотканой луде. Критико-филологические разьякания *Журнал министерства*

народного просвещения. Т. 98. 1885. С. 33–58.

¹⁰⁴ *Kroniki staroruskie / F. Sielicki (wyd.)*. Warszawa, 1987. S. 267. Ср.: Лыкошина Л. С. Польша и поляки... С. 66–67.

¹⁰⁵ Ср. справедливые наблюдения в.: Левкиевская Е. Конфессиональный образ поляка в русской народной и письменной традиции *Поляки и русские...* С. 231–238.

¹⁰⁶ Скрынченко Д. “Бес в образе ляха” и “этнографический материал” *Гродненские епархиальные ведомости*. № 42 (отдел неофициальный). 1909. С. 480–488.

¹⁰⁷ См., напр.: Gouillet M. *Écriture et réécriture hagiographiques: Essai sur les réécritures de Vies de saints dans l'Occident latin médiéval (VIIIe–XIIIe s.)* *Hagiologia*. Vol. 4. Turnhout, 2005.

¹⁰⁸ Dixon L. S. Privileged Piety: Melancholia and the Herbal Tradition *Journal of Historians of Netherlandish Art*. Vol. 1:2. 2009, DOI: 10.5092/jhna.2009.1.2.1 (доступ 08.11.2019).

невероятной. Однако именно в повествовании о буддийском монашестве можно встретить описание аскезы, типологически близкое к рассказам о подвигах отцов-пустынников, в том числе и в отношении сна и бодрствования¹⁰⁹. Сюжет сутры Вималакирти оказывается “бродячим” и исполнялся странствующими сказителями от Китая до Центральной Азии¹¹⁰. Это делает теоретически возможным его проникновение в восточно-христианскую письменность, как это некогда произошло с “Повестью о Варлааме и Иоасафе”¹¹¹.

Проведя различие между отношениями и соотношениями и уточнив наши знания о первых, посмотрим, каким образом соотношение культур, проявляющееся при их контактах, способно помочь в понимании истории. Первый сюжет – князь и Золотые Врата. История князя Болеслава Храброго, ударившего мечом в Золотые Ворота Киева (*Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum*, I: 7; 1018 AD) неоднократно рассматривалась в историографии, но не получила окончательного выяснения. Напомним, что князь недоумение своего окружения объяснил шуткой: удар меча был символом секулярного насилия над сестрой князя Ярослава¹¹². Его жест повторил, согласно хроникам, Болеслав Смелый, оставив *in porta aurea signum memoriae* (*Cronicae et gesta*, I: 23 1069 AD)¹¹³. Позднее, объясняя этот поступок, Винсент Кадлубек пишет, что Болеслав I многократным ударением меча вырезал на Золотых Воротах своего рода пограничный знак Польского государства¹¹⁴.

Существует мнение, что в 1018 г. Золотых ворот еще не существовало, и автор хроники приписал Болеславу I жест, который совершил Болеслав II¹¹⁵. Оно не может быть принято во внимание. Тот факт, что Золотые врата как архитектурное сооружение появляются в 1030-х годах, не ставит под сомнение существование городской стены и главного въезда в Киев в 1010-х годах, за которым ретроспективно закрепилось название Золотых ворот. Не исключено также, что уже в это время он мог носить такое название, еще не будучи каменным.

¹⁰⁹ Kieschnick J. The Eminent Monk. Buddhist Ideals in Medieval Chinese Hagiography. Studies in East Asian Buddhism. 10. Honolulu, 1997. P. 21, 141–142; Huaiyu C. Transforming Beasts and Engaging with Local Communities: Tiger Violence in Medieval Chinese Buddhism *Pakistan Journal of Historical Studies*. Vol. 3, No. 1. 2018. P. 31–60

¹¹⁰ Chen-hua. In Search of the Dharma: Memoirs of a Modern Chinese Buddhist Pilgrim / Chun-fang Yu, D. C. Mair (eds.). New York, 1992. P. 86, 89.

¹¹¹ См. об этом: Повесть о Варлааме пустыннике и Иоасафе царевиче индийском (Повесть о Варлааме и Иоасафе) / В. П. Розен, И. Ю. Крачковский (изд.). Москва; Ленинград, 1947; *John Damascene*. St. Barlaam and Joasaph / G. R. Woodward, H. Mattingly (eds.). Camb. (Mass.), 1967; *Devos P.* Les origines du “Barlaam et Joasaph” grec *Analecta Bollandiana*. Vol. 75. 1957. P. 83–104; *Khintibidze E.* New Materials on the Origins of “Barlaam and Joasaph” *Orientalia Christiana Periodica*. Vol. 63. 1997. P. 491–501; Кузнецов Б. М. Повесть о Варлааме

и Иоасафе: К вопросу о происхождении *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 33. Ленинград, 1979. С. 245–248.

¹¹² Galli Anonymi Cronica et Gesta ducum sive principum polonorum / K. Maleczyński (ed.). Kraków, 1952. P. 22–23 (I: 7); Anonim tzw. Gall, Kronika polska / R. Grodecki, M. Plezia (wyd.). Wrocław, 1965. S. 24.

¹¹³ Galli Anonymi Cronica et Gesta ducum... P. 48 (I: 23); Anonim tzw. Gall, Kronika... S. 51.

¹¹⁴ Magistri Vincentii Chronica Polonorum / M. Plezia (ed.). *Monumenta Poloniae Historica*. Series nova. T. 11. Kraków, 1994. P. 52 (II: 18); *Mistrz Wincentego Kronika polska* / K. Abgarowicz, V. Kürbis (wyd.). Warszawa, 1974. P. 114.

¹¹⁵ Ср.: Польские латиноязычные средневековые источники... С. 61; Западноевропейские источники / А. В. Назаренко (изд.) *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия*. Т. 4. Москва, 2010. С. 169. Ср.: The deeds of the princes of the Poles / P. W. Knoll, F. Schaer (eds.). *Central European Medieval Texts*. Vol. 3. Budapest; New York, 2003. P. XLVII, 42.

Своеобразным анекдотом к известию *Cronicae et gesta* служит находка граффито XII в. на штукатурке Золотых ворот с изображением сцены *coitus*. Однако не стоит видеть здесь памятник насилию Болеслава над киевской княжной. При городских воротах всегда находился солдатский гарнизон, а подобные рисунки обычны для любой армии всех времен и народов. В Восточной Европе такие граффити известны не только в Киеве¹¹⁶.

Как и граффито Золотых ворот, удар меча и последующее объяснение князя могут рассматриваться как грубая солдатская шутка. Современные историки видят иногда в соединении двух жестов: удара мечем и насилия над княжной символы триумфа Болеслава и начала нового правления¹¹⁷. Однако, строго говоря, меч не принадлежал Ярославу, а насилие совершилось над женщиной, которая приходилась киевскому правителю не женой, а сестрой. Вариативность элементов ритуалов не позволяет отождествить их содержание.

Однако в латинской литературе этот эпизод уникален. Похожий сюжет есть в истории английского короля Этельстана, который оставил *signum victorialis gladii* после войны с шотландцами¹¹⁸, на что обратил внимание Яцек Банашкевич¹¹⁹, поддержанный позднее Каролом Коллингером, отметившим агиографическое происхождение сюжета¹²⁰. Напомним, что король попросил знамение от Бога, которое бы свидетельствовало о его победе. После публичной молитвы он ударил мечом о скалу, которая распалась как масло. Как и в случае с ритуалом захвата власти, разница между двумя жестами представляется более существенной, нежели сходство. Этельстан просит о Божьем чуде, *signum Domini*, а не о *signum memoriae*, который явился следствием чуда. Допол-

¹¹⁶ Высоцкий С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985. С. 11, 15, 16, Табл. VI: 1, 2; Писаренко Ю. “Запретный” рисунок из Золотых ворот Киева *Ruthenica*. Т. 4. Київ, 2005. С. 22–31; Мусин А. Е. *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. Санкт-Петербург, 2005. С. 251–253; *Duczko W., Kollinger K. Ryt na szwedzkim kamieniu runicznym i graffiti w kijowskiej Złotej Bramie. Sakralne wyobrazenie i radosna pornografia? Fines testis temporum. Studia ofiarowane Profesor E. Kowalczyk-Hejman w pięćdziesięciolecie pracy naukowej / M. Dziak, G. Śnieżko (red.). Rzeszów, 2017. S. 355–365.* Это граффито, как и сюжет Homo nudus вообще, неоднократно пытался интерпретировать Ю. М. Лесман (1954–2013), см., в частности, его доклад “Опыт комплексного анализа граффито из Золотых ворот Киева (Высоцкий № 301)” на 1-ой международной конференции “Вопросы эпиграфики”, Москва, 30–31 января 2012 г., однако его наблюдения остались неопубликованными.

¹¹⁷ См., напр.: *Banaszkiewicz J. Boleslaw i Peredslawa. Uwagi o uroczystosci stanowienia wladcy w zwiazku z wejściem Chrobrego do Kijowa Kwartalnik historyczny. T. 97, zes. 3–4. 1990. S. 3–35.*

¹¹⁸ *Miracula Sancti Johannis, Eboracensis*

Episcopi The Historians of the Church of York and its Archbishops / J. Raine (eds.). Cambridge, 2012. P. 261–292 (Jamque revertens per loca marina juxta Dunbar, et videns scopulos prominere astitit; taliaque suspirans eloquia protulit, dicens: “Si Deus intervient Beato Johanne, mini aliquod signum jure subjugatam, utpote devictam ad Adelstano rege, subique successoribus tributa omni tempore persolvere, non immerita gratias illi devote agerem. Et [Æthelstan] extrahens gladium de vagina percussit in silicem quae eadem hora adeo penetrabilis, Dei virtute agente, fuit gladio, quasi lapis butyrum esset, vell mollis glarea quia lapis et ictum gladii ita savatur ut mensura ulnae longitudini possit coaptari; et usque ad praesentem diem evidens signum patet, quod Scoti ad Anglicis devicti sunt ac subjugati, monumento tali evidenter cunctis adeuntibus demonstrate. Quo signo viso Divinitus, quantas gratiarum actiones, quot laudum praeconia rex cum suis Deo Sanctoque Johanni extulit, non est nostrae aestimationis posse declarare”).

¹¹⁹ *Banaszkiewicz J. Usque in hodiernum diem: średniowieczne znaki pamięci Przegląd Historyczny. T. 72, zes. 2. 1981. S. 229–238 (здесь s. 233–234).*

¹²⁰ *Kollinger K. Polityka wschodnia Bolesława Chrobrego (992–1025). Wrocław, 2014. S. 342.*

нительно отметим, что вся история с мечом и скалой хорошо вписывается в легендарную традицию от короля Артура и Галхада до Песни о Роланде¹²¹.

Наталья Щавелева, комментируя этот фрагмент, писала, что здесь легко усмотреть традиционное общее место, поскольку точно так же завоеватели пронзают ворота покоренных городов в венгерских источниках, однако не привела конкретных памятников¹²². Полагаю, что исследовательница имела в виду известия *Gesta Hungarorum* XIII в. анонимного нотариуса короля Белы и Шимона из Кезы. Во время осады Константинополя венграми (958 г.) венгерский воин Ботонд в ответ на ритуальное оскорбление со стороны грека перед началом битвы ударил топором в городские ворота, пробив в них широкую брешь¹²³. Однако обстоятельства происшедшего, как явствует из текста, иные, а сам факт уже в глазах автора начала XIII в. не обладал необходимыми признаками достоверности. Стоит добавить, что сюжет носит явно выраженный литературный характер, ибо имя венгра как раз и означает топор.

Достаточно часто удар мечом в Золотые ворота сравнивают с сообщением Повести временных лет под 907 г.: “Иде Влегъ на Греки... Црѣ же Левнѣ со Влехсандромъ миръ сотвориста со Влгом имшеся по дань... и роте заходвше межы собою... и повѣси щит свои въ вратех показоуа побѣду”¹²⁴. Здесь видят аналогию выражению русской летописи XI–XII вв. “взять город на щит”, связанным с его военным захватом. Однако исследователи еще в конце XVIII в. обратили внимание, что в *Annales Fuldenses sub anno 882* вывешивание щита скандинавами описано как знак мира и готовности к переговорам¹²⁵. Белый

¹²¹ См, напр.: *Halsall G. Worlds of Arthur: facts & fictions of the Dark Ages*. Oxford, 2013 (раздел, посвященный англо-саксонской археологии, так и назван: *Swords in the Stones*).

¹²² Польские латиноязычные средневековые источники... С. 61.

¹²³ *Anonymi Belae regis notarii de gestis Hungarorum liber Rerum Hungaricarum monumenta Arpadiana* / I. L. Endlicher (ed.). Sangalli, 1849. P. 1–54 (здесь р. 37–38) “[Hungari]... usque Constantinopolim uenientes descenderunt prope murum. Tunc Grecus unus, magnus sicut gygans, emittitur, qui duos Hungaros cum eo luctari postulabat, uociferans in hunc modum: ut si ambos Hungaros in terram non prostraret, extum Grecia censualis Hungaris subiaceret. Cumque idem Grecus exercitui esset plurimum infestissimus, quidam Hungarus Botond dictus, Greco opponitur ad luctandum, areaque preparata, arrepto dolabro, quem ferre consueuerat, super portam Urbis, que erea erat, precucurrit, tantamque fissuram in ea secisse dicitur cum dolabro uno ictu, ut Greci propter monstrum ipsam portam resarcire noluerunt”. Cp. *Simonis de Keza, Gesta Hunnorum et Hungarorum* [Chronicon Hungarorum] *Rerum Hungaricarum monumenta Arpadiana*. P. 107–108; *Simon of Kéza / The Deeds of the Hungarians* / L. Veszprémy, F. Schaer (eds.). Budapest, New York, 1999. P. 97–100 (Ch. 42); *Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus,*

the Anonymus Notary of King Béla: A Translation *The Slavonic and East European Review*. Vol. 87, No 4. 2009. P. 714. “...quidam dicit eos iuisse usque ad Constantinopolim, et portam auream Constantinopolis Botondium cum dolabro suo incidisse, sed ego, quia in nullo codice historiographorum inueni, nisi ex falsis fabulis rusticorum audiui, ideo ad presens opus scribere non proposui”.

¹²⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 32; Ипатьевская летопись. Стб. 23 [6415 (907)].

¹²⁵ “[Liutwartzus pseudoepiscopus]... Gotfridem ducem illorum imperatori praesentavit; quem imperator more Achabico, quasi amicum suscepit et cum eo pacem fecit, datis ex utraque parte obsidibus. Quod Nordmanni acceperunt pro omine; et ut pax ex illorum parte rata non dubitaretur, clipeum iuxta morem suum in sublime suspenderunt et portas munitionis aperserunt. Nostrates autem calliditatis illorum expertes eundem munitionem ingressi sunt alii quidam causa negotiandi, alii vero pro loci firmitate consideranda. At Nordmanni ad consuetam calliditatem conversi clipeum paci deponunt, portas claudunt et omnes ex nostris intus inventos aut occiderunt aut catenis ferreis ligatos ad redimendum servauerunt... at Nordmanni ad consuetam calliditatem conversi clipeum paci deponunt”: *Annales Fuldenses sive Annales regni Francorum orientalis*, F. Kurze (ed.) *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*

и красный щит как символы мира и войны соответственно известны как героям скандинавских саг – Эрику Хаконарсону (Красивая кожа/Fagrskinna), сыну Эрику Рыжему (Сага об Эрике Рыжем/ Eiríks saga rauða) и Синфьетли из рода Вельсунгов (Первая песнь о Хельги убийце Хундинга Старшей Эдде// Helgakvitha Hundingsbana). Похоже, варяжский конунг Олег поступил в соответствии с привычным для него культурным кодом.

Стоит добавить, что согласно Винценту Кадлубку (III: 2-3), Болеслав Кривоустый во время похода на Поморье послал жителям Белограда два щита, белый и красный, на выбор. Белый означал мир, красный – кровь и войну¹²⁶. Без сомнения, цвет первого щита соответствовал названию города, а второго – служил его антонимом, что свидетельствует о литературном происхождении легенды, неизвестной Хронике Галла. Влияние на этот княжеский жест скандинавской традиции маловероятно.

Есть и другие возможности для сравнения. На первый взгляд, вонзенное в ворота побежденного города копьё тюркского хана или литовского князя имеет много общего с поступком польского правителя. Исследователи в своих публикациях описывают это действие различно: “вонзить, всадить, преломить, прислонить, приклонить, сломать”. В 813 г. хан Крум во время осады Константинополя просил у императора согласия вонзить свое копьё в Золотые ворота (*Κροῦμνος... ἠτήσατο τῷ βασιλεῖ πῆξαι τὸ δόρυ αὐτῷ κατ’ αὐτῆς τῆς Χρυσῆς πόρτης / тох расет компони аб императоре экспетиит, аув ад Чрысен портам hastam [ilfigere]*), как это сообщается в Хронике Феофана¹²⁷ и зависящей от него Хронике Симеона Логофета¹²⁸. Исследователи полагают, что болгарский хан, помимо договора о мире и дани с греков, добивается “легитимизации” своего государства в центре империи при посредстве символического акта¹²⁹. Однако в 1151/6659 г. половецкий хан Семенч Бонякович, осаждавший Киев вместе с Юрием Долгоруким, согласно Ипатьевской летописи, заявлял: “*Хоцю сечи в Золотая ворота, яко же и о[тв]ѣць мой*”¹³⁰. Очевидно, что в данном случае речь не идет об “основании государства” и даже не о персональной победе хана Семенча, который входил в коалицию князя Юрия Владимировича, хотя сам хан мог иметь и иное мнение. За ударом копьём в Золотые ворота, которое оказывается традиционным для как минимум трех тюркских правителей, стоит общепринятый знак некоего воинского достижения, возможно, публичного унижения противника. Тот факт, что хан Крум испрашивает позволение императора на такой жест, не отменяет его предполагаемой унизости для побежденных в глазах победителей. Мы

Rerum Germanicarum. T. 7. Hannoverae, 1891. P. 98 (III, s.a. 882). См.: Schlözer A. L. Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache. T. 3. Göttingen, 1805. S. 291; Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего *Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук*. Т. 30. 1925. С. 285–286; Кулланда С. В., Сольга А. Щит Олега *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX [чтения]. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского / Н. Н. Казанский (отв. ред.)*. Т. 1. Санкт-Петербург, 2016. С. 543–551.

¹²⁶ Magistri Vincentii Chronica Polonorum. P. 88; Mistrza Wincentego Kronika polska. P. 143–144.

¹²⁷ Theophanes Abbas Confessor Chronographia / J. Classen (ed.) *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, Vol. 43.1: Theophanes. Bonnae, 1839. P. 732; Theophanis Chronographia / C. de Boor (ed.). Vol. 1. Leipzig, 1883. P. 503.

¹²⁸ Leonis Grammatici chronographia / I. Bekker (ed.). Bonnae, 1842. P. 207. Ср.: Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon / S. Wahlgreen (ed.) *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Vol. 44:1. Berlin, 2006.

¹²⁹ Бадаланова-Покровская Ф. К. “Основание царства” в болгарских средневековых представлениях *Механизмы культуры / Б. А. Успенский (ред.)*. Москва, 1990. С. 137–151.

¹³⁰ Лаврентьевская летопись. Стб. 432.

имеет дело с византийским текстом, который, с одной стороны, интерпретирует непонятный культуре ромеев варварский ритуал, а с другой – отражает их пиетет перед императором, одновременно защищая его репутацию.

Знакомство с текстами, повествующими о походе литовского князя Ольгерда, позволяет придти к выводу, что здесь символ копья, судя по всему, вторичен и неискственен. Отметим вариативность в описании действия. Так, Хроника Литовская и Жмойтская (1375), сообщает, что князь свое копьё “крушил о бранию”¹³¹. В Хронике Быховца и в Евреиновской летописи князь прислоняет копьё к городской стене как *signum memoriae*¹³², тогда как Матфей Стрыйковский, знакомый с обеими версиями, сообщает альтернативные сведения, существенно их беллетризовав¹³³. Отметим связь образа копья и темы установления границы в литовских хрониках. Здесь стоит видеть влияние польской хронографии, объединяющей меч Болеслава с фиксацией польской границы как это сделали Галл Аноним (I 6), Винсент Кадлубек (II, 12) и Ян Длугош “*metae или cilmunae ferreae (ex solido ferro columpnas)*”¹³⁴.

Замена меча на копьё должна быть интенциональной, однако происшедшей не столько в силу роли копья в традиционной культуре балтов или тюрков, а во взаимодействии с киевской летописной традицией¹³⁵. Напомним, что

¹³¹ Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца *ПСРЛ*. Т. 32. Москва, 1975. С. 61.

¹³² Там же. С. 140; Евреиновская летопись. Летописи белоруско-литовские *ПСРЛ*. Т. 35. Москва, 1980. С. 244; Хроника Быховца / Н. Н. Улащик (предисл., коммент. и пер.). Москва, 1966. С. 58–59; Список Быховца *ПСРЛ*. Т. 17: Западнорусские летописи. Санкт-Петербург, 1907. Ср.: *Lietuvos metraščio Vavelio nuorašas. Wawel manuscript of the Lithuanian chronicle* / K. Gudmantas, N. Morozova (eds.). Vilnius, 2017.

¹³³ Ср.: “Olgerd... chce kopią litewską pod zamek Moskiewski przystawić, aby wiedział kniaź Moskiewski, iż nie to wojennik co do roku odkłada i co pogody patrza, ale ten, który zaraz i w niepogodzie myśli, jakoby mógł stratą nagrodzić, omieszkania powetować, i zabieżeć swojej szkodzie/ A potym sam Olgerd kopiją o ścianę zamkową skruszył; a drugie Latopiszczce świadczą, iż tylko przystawił, aby Moskwa pamiętała, iż Litwa z Olgerdem koije swoje pod zamek Moskiewski przystawowała, 1332/1333 r.”: *Strykowski M. Kronika Zbior Dziejopisow Polskich*. Т. 2. Warszawa, 1766. P. 380, 381 (XII: 3, 1332); *Ejusdem. Kronika polska, litewska, zmódzka i wwszystkiej Rusi*. Т. 1 / M. Malinowski (wyd.). Warszawa, 1846. P. 11, 12 (1332) (“A potym sam o zemek skruszył swą kopiją/Mówiąć: “Baczzę, Dymitrze, iż tak nasz biją”). Ср.: *Ejusdem. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego*

a uprzejmie pilnego doświadczenia / J. Radziszewska (ed.). Warszawa, 1978. P. 262 (1333).

¹³⁴ Ср.: “*bonnae signum*”, “*limites bonneatum*”. Согласно Б. Курбис, термин *bonna*, достаточно редкий, мог означать как раз “*kres, kopiec graniczny*”. См.: *Magistri Vincentii Chronica Polonorum*. P. 42 (II: 12), 52 (II: 18); *Mistrza Wincentego, Kronika polska*. S. 114, przyp. 66. Ср.: *Joannis Długossii seu Longini canonici cracoviensis Historiae Polonicae libri XII*. Т. 1, libri 1–4 / A. Przezdziecki (ed.) *Joannis Długosz senioris canonici cracoviensis Opera omnia*. Т. 10. Cracoviae, 1873. P. 195–196, 338; *Ioannis Długossii Annales, seu Cronicae incliti Regni Poloniae / J. Dąbrowski (ed.)*. Т. 1, lib. 1–2. Varsaviae, 1964. P. 262; Т. 2, lib. 3–4. Varsaviae, 1970. P. 100; *Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego = Ioannis Długossii Annales, seu Cronicae incliti Regni Poloniae / J. Dąbrowski (ed.)*. Ks. 1–2. Warszawa, 1961. S. 335; *Ibidem*. Ks. 3–4. Warszawa, 1961. S. 117.

¹³⁵ О зависимости сказания о походе Ольгерда на Москву от летописной и фольклорной традиции см.: *Кербелите Б. Летописное сказание о походе Альгирдаса в Москву. Senosiosraštijos ir tautosakos sąveika: Kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis / D. Kuolys, I. Lukšaitė, S. Narbutas, D. Pociute, E. Ulčinaite (eds.) Senoji Lietuvos literatūra*. Vol. 6. Vilnius, 1998. С. 51–55. Однако мнение о семантическом единстве этого символа с вывешиванием щита князя Олега на воротах Константинополя и “ломанием копий” киевской книжности не обоснованы. Благодарю коллегу Альбину Семенчук, указавшую мне на эту публикацию.

в Повести временных лет в статье 946 г. метание княжеского копья в сторону неприятеля могло служить знаком начала битвы¹³⁶. Копье также оказывается важным жестом в истории св. Эдвина Нортумбрийского и обращения англов в 627 г., когда верховный языческий жрец Coifi бросил его в святилище перед разрушением идолов. Беда Достопочтенный использует здесь слово *lansea* вместо традиционного *hasta*, подчеркивая христианское содержание происходящего¹³⁷. Такие различные жесты, как водружение щита и удар копьем или мечом в ворота не могут обладать сходной семантикой. При этом я сознательно не включаю в исследование летописный образ ломающихся копий и дискуссионное выражение “копие преломити”¹³⁸.

Обратимся к возможным библиизмам в истории князя и Золотых Ворот. Так, существует гипотеза, что Олег, вывешивая щит на воротах Константинополя, тем самым принял на себя роль защитника города в соответствии с текстом книги пророка Иезекииля, где говорится о воинах, защищавших город Тир и вешавших в нем щит и шлем (Иез. 27:10)¹³⁹. Однако в Библии речь может идти как о захваченных жителями города трофеях, так и о шлемах и щитах самого тирского войска, а также его предводителя как знаке готовности или же приготовления к войне. Именно так стоит понимать слова императора Константина Багрянородного в одном из его военных трактатов: в соответствии с традицией цесарь накануне военной компании вывешивал на воротах Халки в Константинополе доспех (*lorikion*), меч (*spathion*) и щит (*skoutarion*), что указывало на грядущую войну и на необходимость приготовить соответствующее снаряжение¹⁴⁰. Таким образом, как скандинавский контекст ритуала, совершенного князем Олегом, как и смысл римской и ближневосточной военной традиции вывешивания щита на городских воротах исключают необходимость поиска библейских параллелей этого жеста.

Не стоит видеть библиизм в “ломании копья” на основе русского перевода псалма 45:9–10 (латинская традиция: Пс. 46: 9) “Придите и видите дела Господа, – какие произвел Он опустошения на земле: прекращая брани до края земли, сокрушил лук и переломил копье, колесницы сжег огнем”, поскольку

¹³⁶ “с[не]мъшемъса шбѣма полкома на купь суну копьемъ Стославъ [на] Деревланы и копье летъ сквозь оуши коневи [и] оудари в ноги коневи... и рече Свѣнедъ и Асмодъ князь оуже почаль потагнѣте дружина по князь”. См.: Лаврентьевская летопись. Стб. 58; Ипатьевская летопись. Стб. 46 [6454 (946)]. Ср. этот эпизод с римской традицией, где копье в подобной ситуации также выполняло символическую функцию: *Grotowski P. L. Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261) The Medieval Mediterranean. Vol. 87. Leiden, 2010. P. 329–331.*

¹³⁷ *Barrow J. How Coifi Pierced Christ’s Side: A Re-Examination of Bede’s Ecclesiastical History, II, chapter 13 Journal of Ecclesiastical History. T. 62(4). 2011. P. 693–706.*

¹³⁸ *Дымлевский Н. М.* Выражение “копие приломити” в “Слове о полку Игореве” как отражение дружинной идеологии и как

фразеологизм древнерусской лексики *Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 24. Ленинград, 1969. С. 21–25; Добродомов И. Г. Копие приломити 200 лет первому изданию “Слова о полку Игореве”: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. 27–29 августа 2000 года. Ярославль – Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 66–67; Толочко П. П. “Изломи копье свое” *Ruthenica. T. 8. Київ, 2009. С. 202–205.**

¹³⁹ *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников... С. 364–366. Критические замечания: *Ранчин А. М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. Москва, 2007.

¹⁴⁰ *Constantine Porphyrogenitus Three Treatises on Imperial Military Expeditions / J. F. Haldon (ed.) Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 28. Wien, 1990. P. 96, 97, 183–184.* См. также: *Grotowski P. L. Arms and Armour... P. 180, 252–253.*

в латинском и славянском текстах, известных в средневековье, вместо копья греческого текста фигурирует оружие (*auferens bella usque ad finem terræ / arcum conteret, et confringet arma, et scuta comburet igni*). Мнение, что в данном случае копье ломается как ставший ненужным предмет вооружения¹⁴¹, не может быть принято. Оно представляется неоправданной модернизацией библейского смысла, в данном случае вписанного в архаические ценности.

Однако есть еще один возможный библейский контекст, если не источник описания поступка Болеслава, который идеально сочетает все присутствующие в *Chronicae et gesta* элементы: ворота, вагина-ножны, и меч. Это пророчество Иезекииля, глава 21, особенно стихи 3–5, 15, 28–30, и конкретно стих 15: “*In omnibus portis eorum dedi conturbationem gladii acuti, et limati ad fulgendum, amicti ad caedem*” (ср. русский и славянский переводы: “Чтобы растаяли сердца и чтобы павших было более, Я у всех ворот их поставлю грозный меч, увь! сверкающий, как молния, наостренный для заклания/ Яко да сокрушится сердце их, и умножатся немощии во всех вратах их, предаются на усечение мечное: благо остр бысть на сечение, благо бысть на блистание”).

Известно, что в библейской культуре ворота являлись символом города, его заместителем по принципу *pars pro toto*. При этом в культуре традиционной, с учетом того, что полис в греческом языке – женского рода, город мог уподобляться женщине, въезд в город через ворота – половому акту, а городские ворота – женскому органу воспроизводства задолго до поступка Болеслава Храброго¹⁴², что делает возможной, но не обязательной культурно-антропологическую интерпретацию сюжета в силу культурных различий.

Однако вероятнее иное. С учетом вышесказанного можно предположить, что автор *Chronicae et gesta* совместил ценности дружинной и христианской культуры. Ключ ко всему сюжету, по моему мнению, – это фраза “у всех ворот их поставлю грозный меч”. Нам не известны средневековые тексты, где бы упоминался меч, поражающий ворота средневекового города. Здесь традиционно фигурируют копье или топор. Поступок Болеслава может рассматриваться как уникальный. Болеслав действует здесь как пророк и посланник Божий. По крайней мере, так его заставляет действовать и так его мог воспринимать средневековый автор. Однако тот же автор передает и воинский анекдот, сохранившийся в памяти княжеского двора, который приземляет, если не унижает, смысл происходящего. Оба смысла совмещаются в тексте *Chronicae et gesta*, не противореча друг другу в силу общих коннотаций, присущих как библейской, так и фольклорной культурам. По сути дела грубая солдатская шутка получает здесь свою легитимизацию и даже христианизацию за счет пророческого образа, безусловно известного читателю или слушателю начала XII в. и, возможно, вдохновлявшего самого Болеслава. Обе интерпретации, библейская и дружинная, не ставят под сомнение возможность самого факта – удара мечом в Золотые Ворота Киева, в то время еще деревянные.

Еще один сюжет связан с князем и бородой. Известно, что Русская правда, древнейший свод права Восточной Европы, предполагает, что публичное

¹⁴¹ Добродомов И. Г. Рец. на: М. Ф. Мурьянов. “Слово о полку Игореве” в контексте европейского средневековья, вступ. статья О. Н. Трубочев, ком. и послесл. А. Б. Страхов, (*Palaeoslavica*, vol. 4, 1996), 249 с. *Вопросы*

языкознания. № 5. 1997. С. 155–156.

¹⁴² Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Москва, 1998. С. 630; Дагрон Ж. Император и священник. Эгюд о византийском “цезарепапизме” / А. Е. Мусин (пер.). Санкт-Петербург, 2010. С. 92–93.

выдиране бороды влечет за собой штраф в 12 гривен¹⁴³. В *Cronicae et gesta* (I: 23; 1069 AD) есть сюжет, согласно которому такой штраф должен был заплатить Болеслав Смялый. После взятия Киева он возвел на престол правителя Руси местного князя, названного родственником Пясту. Во время ритуала интронизации Болеслав должен был выехать навстречу своему русину и даровать ему “поцелуй мира” в знак уважения к местному обществу. Не сходя с коня, польский князь Болеслав не только “даровал ему долгий поцелуй”, но и дернул за бороду¹⁴⁴.

Смысл и обстоятельства рассказа еще более запутаны у Винсента Кадлубка. Речь уже идет не о “поцелуе мира”, а об объятии в знак уважения, золотые таланты становятся предложением русина, а не требованием польского князя, а вместо объятий и поцелуя князь трепал и дергал за бороду своего суффрагана как знак будущего трепета подданных перед новым назначенным правителем, произнося при этом стихи, сложенные неудачным гекзаметром. Похоже, Винсент с иронией пишет о дергании бороды как знак чести польского правителя, оказанной русьскому князю, символизирующем будущий трепет его подданных¹⁴⁵. Похоже, что авторы хроник считали дергание бороды случайным последствием обряда.

Есть основания предполагать, что в бороде и заключалась суть ритуала. В скульптуре романской часто встречается сцена, где мужчины тянут друг друга за бороду, что традиционно рассматривается как символ спора и гнева – *Discordia Collera*¹⁴⁶. В тех случаях, когда особа сама тянет себя за бороду, изображения имеют религиозный смысл¹⁴⁷. В древне-германской и скандинавской языческой традиции такие изображения существуют в рукописях (Евангелие Барберини, Рим, *Biblioteca Apostolica Vaticana, Barberini Lat. 570*, Мерсия или Нортумбрия) и в миниатюрной скульптуре (Черная могила, Чернигов, Украина; Эрирланд и Балдусхеймир, Исландия; Феддет, Дания; Гнездово, Россия; Ралинге, Швеция), откуда они были заимствованы в христианскую культуру как символ победы над язычеством¹⁴⁸. Очевидно, обряд дергания за бороду у германцев и у славян был связан с клятвой и присягой¹⁴⁹. Религиозные

¹⁴³ Правда Русская / Б. Д. Греков (изд.). Москва, 1940.

¹⁴⁴ “Ibi etiam quandam sui generis Ruthenum, cui permittebat regimen, in sede regali constituit, cunctosque sibi rebelles a potestate destituit. Rogatus itaque Boleslavus largus a rege quem fecerat, ut obviam ad se veniret sibi que pacis osculum ob reverentiam suae gentis exhiberet, Polonus quidem hoc annuit, sed Ruthenus dedit quod voluit. Computatis namque Largi Boleslavi passibus equinis de statione ad locum conventionis, totidem auri marcas Ruthenus posuit. Nec tamen equo descendens, sed barbam eius subridendo divellens, osculum ei satis pretiosum exhibuit”: Galli Anonymi Cronica et Gesta ducum... P. 48–49 (I: 23); *Anonim izw. Gall. Kronika polska*. P. 51–52.

¹⁴⁵ *Magistri Vincentii Chronica Polonorum*. P. 52–53 (II:18); *Mistrza Wincentego Kronika polska*. P. 114–115.

¹⁴⁶ *Jacoby Z. The Beard Pullers in Romanesque Art: an Islamic Motif and its Evolution in the West Arte Medievale*. Vol. 2(1–2). 1987. P. 65–83; *Garnier F. Le langage de l’image au*

Moyen Âge. Vol. 2: *Grammaire des gestes*. Paris, 1989. P. 89–94, 359.

¹⁴⁷ *Gjarder P. The Beard as an Iconographical Feature in the Viking Period and the Early Middle Ages Acta Archaeologica*. Vol. 35: 2–3. 1964. P. 95–115; *Stones A. A Note on the Beard-Pulling Motif: A Meeting between East and West, or a Northern Import? Early Medieval Art and Archaeology in the Northern World. Studies in Honour of James Graham-Campbell / L. Webster, A. Reed (eds.)*. Leiden, 2013. P. 877–892.

¹⁴⁸ См.: *Мусин А. Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное Российский археологический ежегодник*. Т. 2. 2012. С. 580–583.

¹⁴⁹ *Павлов-Сильванский Н. П. Символизм в древнерусском праве Журнал министерства народного просвещения*. Т. 6. 1905. С. 359–360 (благодарю коллегу Марию Лавренченко, напомнившую мне о существовании этой публикации); *Schmidt-Lorensen J. Der Griff an den Bart – wikingzeitliche Bildzeugnisse zu einer bekraeftigender Gebärde Sprache und Recht: Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelal-*

миниатюрные фигурки, которые сами тянут себя за бороду, могли выражать идею самодостаточности языческого божества.

Итак, на Руси ритуал клятвы, предположительно скандинавского происхождения, предполагал дергание бороды. Поскольку борода участвовала в обряде, она была защищена правом от бытового оскорбления. Однако суть ритуала осталась непонятна информатору хрониста.

Как мы видели, символика и ритуалы на Руси могли быть более архаичные, чем в Польше. Как обстояло дело с системой политических и экономических отношений? Обратимся к плохому Болеслава Храброго на Киев в 1018 г. Средневековые авторы рассматривали его как превентивную войну¹⁵⁰ или же возмездие князю Ярославу за отказ от брака его сестры с Болеславом¹⁵¹. Современные исследователи предполагают, что это было связано с расширением влияний Гнезно на восток, ростом территории государства, установлением контактов с Византийской империей¹⁵². Иногда допускаются династические причины: Болеслав отправился на Русь с целью утверждения на киевском столе своего зятя и отправил посольство в Византию в надежде на согласие ромеев с происшедшими политическими изменениями. Впрочем, о результатах посольства ничего не известно¹⁵³.

Определение целей похода напрямую зависит от анализа характера государства Пястов, которое сегодня рассматривается как структура, формирующаяся вокруг военной элиты, заинтересованной в участии в дальней торговле и экспроприации богатств. Иногда по отношению к такой форме власти употребляется термин “дружинное государство”, и даже если используемое в летописи слова “дружина” не может рассматриваться как средневековый *termin technicus*, связанный с отправлением власти¹⁵⁴, это не значит, что власть не находилась в руках мужских милитарных коллективов.

Обратимся к источникам. При описании польских походов XI в. на Киев в 1018 и 1069 гг. древнейший текст *Chronicae et gesta* подчеркивает значение и роль денег и богатств, импортированных из Руси в Польшу, упоминая *thesauro* (I: 7) и *auri marcas* (I: 23)¹⁵⁵. Вряд ли возможно говорить о монетаризации обмена в Центрально-Восточной Европе, однако эти деньги остались в культурной памяти польского общества. Такая ситуация с денежным потоком из Киева в Гнезно напоминает ситуацию в Скандинавии, где Русь служила источником денег, на которые приобретались местные богатства. Восточная Европа была своего рода транзитом, связанным с торговыми путями, как это отражено на камне с рунической надписью XI в., Веда, Швеция (Ур. 209): “Торстейн сделал [памятник] по Эринмунду, своему сыну, и приобрел этот хутор и нажил [богатство] на востоке в Гардах”¹⁵⁶. Средства, добытые в Восточной Европе, были инвестированы в местную жизнь.

ters Festschrift für R. Schmidt-Wiegand zum 60. Geburtstag. Vol. 2 / K. Hauck (ed.). Berlin, 1986. P. 780–795.

¹⁵⁰ Joannis Długossii seu Longini canonici cracoviensis Historiae Polonicae libri XII. T. 1, libri 1–4. P. 213–214; Joannis Długossii Annales, seu Cronicae incliti Regni Poloniae. T. I, lib. I–II. P. 280–281; Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki... S. 355–356.

¹⁵¹ Galli Anonymi Cronica et Gesta ducum. P. 21–22 (I: 7); Anonim tzw. Gall. Kronika polska. P. 23–24.

¹⁵² Подробный историографический об-

зор смотри в: Kollinger K. Polityka wschodnia... S. 193–198.

¹⁵³ Cp.: Salamon M. “Amicu” or “hostis”, Boleslav the Valliant and Byzantium Byzantium and Its Neighbours, from the Mid-9th till the 12th Centuries *Byzantinoslavica*. Vol. 54. 1993. P. 114–120.

¹⁵⁴ Żmudzki P. Władca...; Стефанович П. С. Бояре...

¹⁵⁵ Galli Anonymi Cronica et Gesta... P. 23, 49; Anonim tzw. Gall. Kronika polska. P. 25, 52.

¹⁵⁶ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и

Представляется, что в истории XI в. для такого сравнения есть основания. В свое время Ян Домбровский, подчеркивая свой главный тезис о значении транзитной торговли в средневековье, допускал, что даже в XIV в. заинтересованность в контроле над торговыми путями лежала в основе восточной политики Казимира Великого¹⁵⁷. Если такая ситуация была актуальна в XIV в., то логично предположить, что она была характерной и для XI в.

Обратимся к сообщению Титмара Мерзебургского о правлении Болеслава в Киеве. Князь послал императору империи Римской “с богатыми дарами/*cum magnus muneribus*” (“*abbatem suam Tuni ad nostrum imperatorum cum magnus muneribus missit, ut suam amplius gratiam et auxilium acquireret et se cuncta sibi placencia facturum indicaret*”), а императору империи Византийской пообещал некое абстрактное “добро/*bona*” (“*Ad Greciam quoque sibi proximit nuncios misit, qui ejusdem imperatori bona, si bellet fidelis amicus haberi, promitterent; sin sutem hostem firmissimum ac invincibilem fieri intimarent*”)¹⁵⁸. И то, и другое рассматривается в историографии как элемент обмена дарами¹⁵⁹. Однако разница в терминах должна отражать разницу в содержании. О каком добре могла идти речь?

Известно, что во второй половине XI в. младшие русские князья пытались захватить важные административные центры, блокировавшие торговые пути между Восточной Европой и Византией: Олешье, Тмуторакань (1064, 1065, 1078, 1081, 1083, 1084), а также грады в Центральной Украине, контролировавшие торговые пути в Европу – Острог, Дубно, Дорогобуж, Чарторыйск, Буск (1100), Дорогобуж (1084, 1100)¹⁶⁰. Так, известно, что князь Давид Игоревич задержал в Олешье гречников, то есть купцов, торговавших с Грецией, а не греков (см. текст Ипатьевской летописи и данные берестяных грамот)¹⁶¹. Контроль над этими путями обеспечивал младшим Рюриковичем не только доход, но и престижное положение среди политических элит Восточной Европы.

Эти князья не были изгоями, как иногда полагают исследователи. Младшие Рюриковичи были полноправными членами социума и отстаивали свои права на власть и на место в так называемом союз архонтов, обеспечивавшем “причастие в Руськой земле”. Среди печатей этих младших князей известны печати “архонтов руських”, к которым принадлежали и более влиятельные представители рода Рюриковичей¹⁶².

Представляется, что действия Болеслава можно сравнить с действиями младших Рюриковичей. Удаленность Польши от торговых путей особо подчеркивается в *Chronicae et gesta* как глобальная проблема польского общества¹⁶³. Эта удаленность требовала от польских правителей совершать походы на тысячи

интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. Москва, 2001. С. 323–324, № 7.5; Upplands runinskrifter / E. Wessen, S. B. F. Jansson (ed.). В. 6, Н. 2. Stockholm, 1946. С. 315–316.

¹⁵⁷ Dąbrowski J. Korona Królestwa Polskiego w XIV w.: Studium z dziejów rozwoju polskiej monarchii stanowej. Wrocław; Kraków, 1956.

¹⁵⁸ Kronika Thietmara / M. Z. Jedlicki (ed.) *Biblioteka tekstów historycznych*. Т. 3. Poznań, 1953. P. 622, 623 (VIII: 33).

¹⁵⁹ Грабский А. Ф. По поводу польско-византийских отношений... С. 175–184: *Banaszkiewicz J. Otton III jedzie do Gniezna: O sprawie ceremonialnej wizyty cesarza w kraju i stolicy Polan “Trakt cesarski”: Ilawa – Gniezno – Mag-*

deburg / W. Dzieduszycki, M. Przybyl (eds.). *(Bibliotheca Fontes archaeologici Posnanienses)*. Т. 11. Poznań, 2002. P. 277–315.

¹⁶⁰ Лаврентьевская летопись. Стб. 163, 164, 199–204, 204–205, 273, 274; Ипатьевская летопись. Стб. 152, 153, 190–196, 248, 249–250.

¹⁶¹ Ипатьевская летопись. С. 526 [6675 / 1167], 538 [6677/1168], 538 [6679/1170]. Ср.: Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиттиус А. А. Новгородские грамоты... С. 111–113 (№ 1012).

¹⁶² Подробнее см.: Мусин А. Е. *Corpus fratrum*... С. 183–206.

¹⁶³ Galli Anonymi Cronica et Gesta. P. 6 (Primo prohemium).

километров, чтобы навязать себя в качестве партнера в мировой торговле. Оккупировав Киев, Болеслав отсюда угрожает византийскому императору заблокировать торговлю, в которой нуждалась не только Русь, но и Византия. *Vopius* Титмара Мерзбургского в данном случае – продолжение торговли. Византия получит его только в случае принятия политических изменений в Восточной Европе, в том числе и включив Польшу в систему восточноевропейской торговли, если не Византийского сообщества народов. Стоит сравнить действия Болеслава не только с активностью младших Рюриковичей на торговых путях, но и с походами полоцких князей Брячислава и Всеслава на Новгород в 1021 и 1067 гг. и с набегами литовских дружин в XII–XIII в. на торговые пути, соединявшие Новгород с Поволжьем и Поднепровьем. Грабеж купцов и угроза торговым коммуникациям привели к тому, что в зоне набегов в XIV в. возникла зона “чернокунства”, за которую Новгород платил дань литовским князьям вплоть до 1471 г.¹⁶⁴ Дополнительно заметим, что недавно Дариуш Адамчик отметил роль монетного серебра и торговли в экспансии первых Пястов на запад от Одра¹⁶⁵.

Можно предложить некоторые выводы о политической и культурной ситуации в Центрально-Восточной Европе. Очевидно, польские хроники модернизируют социально-политические отношения в Польше по образцу западноевропейских государств. Однако методы создания польского территориального государства¹⁶⁶ могли быть весьма архаичными – набеги на важные торговые пути. Можно предположить, что главным противоречием польского общества в XI веке было противоречие между культурным развитием, связанным с прогрессом христианизации, и архаичным политическим и экономическим механизмом. Хронистам и их информаторам уже были не понятны архаичные ритуалы власти, еще принятые на Руси, где также, как и в Польше, господствовала политическая архаика. Очевидно, что перелом в развитии восточноевропейских общин и польского общества приходится на XII в.*

Институт історії матеріальної культури РАН

¹⁶⁴ *Musin A.* Litewsko-polsko-nowogrodzkie zwierzchnictwo nad południowymi częściami Ziemi Nowogrodzkiej w XV w.: źródła historyczne i główne kwestie badawcze *Artykuły uczestników III Kongresu zagranicznych badaczy dziejów Polski, 11–14 października 2017 r.*, http://archiwum.symposium.pl/artykuly_coph/przeslance/35288561506972866symposium.pdf (доступ 08.11.2019); *Ejusedem.* “Czernokuństwo” – nowogrodzko-litewskie kondominium w południowej części Ziemi Nowogrodzkiej w XV w. *Unie międzypaństwowe-parlamentaryzm-samorządność. Studia z dziejów ustroju Rzeczypospolitej Obojga Narodów / W.* Uruszczak, *Z.* Noga, *M.* Zwierzykowski (red.). Warszawa, 2019 (в печати).

¹⁶⁵ *Adamczyk D.* Silber und Macht. Fernhandel, Tribute und die piastische Herrschaftsbildung in nordosteuropäischer Perspektive

(800–1100). Wiesbaden, 2014; *Ejusedem.* Srebro i władza. Trybuty i handel dalekosiężny a kształtowanie się państwa piastowskiego i państw sąsiednich. Warszawa, 2018; *Ejusedem.* The Logic of Tribute versus the Logic of Commerce: Why did Dirhams reach East Central Europe during the Tenth Century? *Medieval Networks in East Central Europe: Commerce, Contacts, Communication / B.* Nagy, *F.* Schmieder, *A.* Vadas (eds.). New York, 2018. P. 155–173.

¹⁶⁶ *Trzeciecki M.* The emergence of the territorial state *The Past Societies Polish Lands from the first Evidence of Human Presence to the Early Middle Ages / P.* Urbańczyk, *M.* Trzeciecki (eds.). Vol. 5: 500–1000 AD. Warszawa, 2016. P. 278–341.

* Автор благодарит коллег Пшемислава Урбанчика, Петра Гротовского и Аркадия Сивко за помощь в работе над этой статьей.